

СУДЬБА ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА М. Е. САЛТЫКОВА - ЩЕДРИНА

Сатира как острое и верное оружие классовой борьбы привлекает все большее внимание как практиков, так и теоретиков пролетарской литературы.

Сатирические жанры все шире и глубже используются в деле выполнения громадных задач, стоящих перед пролетарским литературным движением. Следует однако признать, что за отдельными исключениями (Демьян Бедный, М. Кольцов, А. Безыменский и некоторые другие) наши писатели не овладели еще этим трудным и ответственным жанром.

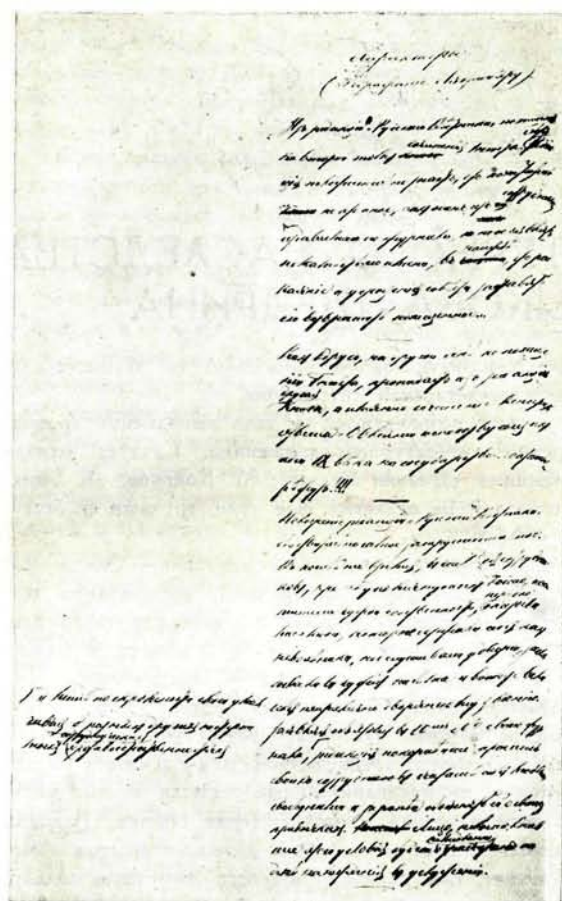
Понятен поэтому интерес к наследию крупнейшего русского сатирика — Салтыкова-Щедрина. Это обстоятельство диктует необходимость быстрой мобилизации нашего литературоведения на борьбу за марксистское изучение и пропаганду творчества Щедрина. Серьезное исследование сильно затрудняется однако отсутствием в нашей литературе специального справочника по этому писателю. И если критическая литература о нем более или менее зарегистрирована (в известных общих указателях¹), то сколько-нибудь полная сводка текстов самого Щедрина отсутствует совершенно. Читатель и исследователь, пожелавшие серьезно ознакомиться или заняться Щедриным, вынуждены тратить много времени на предварительные розыски всяких материалов и публикаций, при чем в области изучения многочисленных текстов Щедрина они не гарантированы при данном положении от «открытия» давно «открытых Америки». Наш обзор в этом отношении может, нам кажется, принести известную пользу. Он имеет своей основной задачей познакомить читателя с характерной судьбой литературного наследства Салтыкова-Щедрина, главным образом с той его частью, которая до сих пор либо не была выявлена совсем, либо забыта и рассеяна по различным периодическим изданиям.

Среди больших русских писателей нет, пожалуй, фигуры, менее изученной, чем Салтыков-Щедрин. Это и не удивительно. Мы уже давно знаем, что за ширмами литературной науки стоят классы и политика. Лучшее всего это бесспорное положение можно было бы показать на обзоре критической литературы о Щедрина различных направлений. Но то же подтверждает и библиографический обзор публикаций самих текстов Салтыкова. Его так называемые «Полные собрания сочинений» ни в какой мере не являются действительно полными. В них отсутствует много ценных художественных произведений и огромное количество публицистических статей и рецензий, разбросанных и забытых в старых журналах. Почти совсем не включались до сих пор в собрания сочинений материалы из рукописного наследия Салтыкова. По этим разделам мы и расположим наш обзор.

Каково было отношение к Щедрину в дореволюционной литературе?

Печать охранительного лагеря естественно воспринимала Щедрина как своего непримиримого и крайне опасного врага. Реакционная пресса уже на другой день после смерти Салтыкова определила его роль для русской современности, а тем самым и свое отношение к нему следующими словами: «В тяжелое смутное (читай революционное.— С. М.) время конца 70-х и начала 80-х гг. сатиры Щедрина были

¹ Журнальные и газетные статьи о Салтыкове, появившиеся до 1906 г., довольно полно учтены в библиографическом обзоре А. А. Шиловой, помещенном в книге — К. Арсеньев, Салтыков-Щедрин, СПб, 1906, стр. 268—278.

СТРАНИЦА РУКОПИСИ САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА
«ХАРАКТЕРЫ (ПОДРАЖАНИЕ ЛЯВРЮЯЭРУ»

Впервые напечатано в «Искре» 1860 г. за подписью
«Стыдливый библиограф»

Из архива М. М. Стасюлевича, хранящегося в
Институте Русской Литературы

ственного внимания, которые проявляли к Щедрину сами революционеры, начиная от современных ему народолюбцев, вплоть до вождей и идеологов пролетарской революционной борьбы — Маркса, Ленина, Сталина.

Далекий, если говорить о его личном поведении, от подлинно активных революционных кругов русской интеллигенции, Щедрин не учил, в прямом смысле этого слова, социализму, практике борьбы за него. Но объективно, путем злой и умной насмешки, через великий гнев своего обличения, через огромный пафос негодования и отрицания — он революционизировал сознание молодежи, заражал ее идеями революции, идеями социализма. И не случайно Ленин, давая указания «Правде», рекомендовал большевикам изучать Щедрина: «Хорошо бы, — писал он, — вообще от времени до времени вспоминать, цитировать и растолковывать в «Правде» Щедрина и других писателей старой народнической демократии». Эту революционную направленность Салтыкова хорошо сознавали разумеется не только охранители (в «правительственном сообщении» по поводу закрытия «Отечественных Записок» Салтыкову и его журналу прямо инкриминировалась «близость к подпольным революционным кругам»), но и сами революционеры. Помимо многочисленных мемуарных указаний мы имеем и такие тому свидетельства, как например статья в подпольном органе народолюбцев

таким же развращающим и разрушающим орудием в руках наших террористов, как и их подпольные листки, заграничные брошюры и динамитные бомбы... Террористы того времени делились на нелегальных и легальных деятелей. Щедрин был несомненно самым ярким и самым даровитым представителем последней категории... Не сочинениями ли Щедрина зачитывалась и зачитывается, к сожалению, значительная часть нашей молодежи? Не на Щедрине ли поэтому лежит тяжкая доля ответственности за тех несчастных юношей, которые были отданы на съедение революционным теориям?» (Из некролога, посвященного Щедрину «Московскими Ведомостями»).

Характеристика очень меткая.

Вопросы, здесь поставленные, давно получили утвердительные ответы. Они были даны уже в тех проявлениях недоверия, ненависти, злобы и прямых карательных мер в виде ареста, ссылки и постоянных цензурных репрессий, с которыми всегда относились в официальной России к деятельности и имени Щедрина все «лица на заставах команду имеющие», начиная от публицистов охранительно-репутительной прессы и кончая «самим» Николаем первым.

Они даны, далее, в тех чувствах глубочайшего уважения и сочув-

«Народная Воля» (1884, № 10), где о писателе говорится как об единомышленнике и соратнике в борьбе, как нелегально распространявшееся обращение к писателю общестуденческого союза (революционная организация молодежи 80-х гг.) и др.

Фельетонист «Московских Ведомостей» — органа дворянской реакции — имел таким образом все основания расценивать литературную деятельность Щедрина как революционную, а его самого как «легального террориста». В дальнейшем черносотенная печать, затратившая много сил на борьбу с Щедриным при его жизни, вообще подвергла писателя ostrакизму. И это разумеется было лишь новым проявлением все той же борьбы, теперь уже с идейным наследием врага.

Впрочем отдельные статьи вроде фельетонов Буренина, Сухонина, высказываний Розанова и др., где о Салтыкове говорится как о «самооплевателе земли русской», писателе, «раздутом еврейскими перьями в первоклассную знаменитость», наконец «уродстве русской литературы», появлялись и позднее.

Появляются они и поныне в белоэмигрантской печати, где идет сейчас «переоценка» былых «симпатий» русской интеллигенции к сатирику.

Сложнее было отношение к Щедрину со стороны буржуазной, так называемой либеральной публицистики и критики.

Буржуазии выгодно было сделать Щедрина своим, выгодно было, опираясь лишь на некоторые элементы его сатиры, использовать его в своей борьбе за лозунги чисто буржуазного либерализма: конституционализм, различные «свободы» и т. п. Конечно Щедрин энергично и успешно боролся с произволом царской бюрократии, ненавидел крепостное право и весь строй самодержавного «Глушова» с его «острожной цивилизацией». Но вместе с тем его сатирическое оружие поражаало цели гораздо более значительные и удаленные и было сильнее.

Революционная сатира Щедрина отрицала, ненавидела и разрушала весь окружающий общественный строй, всю совокупность феодально-капиталистических отношений, как они сложились на русской почве. Она обнажала всю гнилость и социальную предренность великих фетишей буржуазной культуры — государства, семьи, собственности¹. Поэтому Салтыков не устал издеваться над шествием «отечественного прогресса», который ему представлялся не иначе, как «в форме генерала от инфантерии или действительного тайного советника, сопровождаемых непрерывно идущими гадами»². Но особенно беспощадным становился сатирик при изображении верных слуг этого прогресса: «либералов» и всей «нейтральной», им сочувствующей русской буржуазно-дворянской интеллигенции.

В этой области Щедрин создал, пожалуй, свои наиболее замечательные образы и формулировки, с которыми российские «пенкосниматели» так и дожили вплоть до революции.

Либеральная печать всегда боялась Щедрина и при жизни писателя редко отваживалась на активные действия против него. Зато позднее, когда Салтыков уже не мог ответить противникам своим ядовитым словом, начался процесс «освоения» Щедрина либеральной мыслью в направлении, о котором говорилось выше. Воинствующую, всю насквозь проникнутую политическим содержанием сатиру Щедрина хотели подвергнуть процессам нейтрализации, стерилизации и приспособления к своим знаменам. В его творчестве стали усиленно и односторонне подчеркивать элементы «идеализма», «гуманности», «свободолюбия» и другие не менее безвредные, но милые сердцу либерала качества³.

¹ «Я обратился к семье, к собственности, к государству и дал понять, что в наличности ничего этого уже нет. Что, стало быть, принципы, во имя которых стесняется свобода, уже не суть принципы даже для тех, которые ими пользуются» (письмо к Утину от 2/1 1881 г.). Е. И. Утин, «Из литературы и жизни», т. I, СПб, 1886. Стр. 175.

² Письмо к Н. П. Орлову от 5 июля 1883 г. («Красное знамя», Париж, 1906, № 2).

³ Особенно ярким тому примером служит народническая легенда о Щедрине, созданная Михайловским, поддержанная Скабичевским и Черновым и распространяемая в наши дни Ивановым-Разумником. Исчерпывающего разоблачения этой легенды в свете марксистско-ленинского метода изучения идеологии еще не существует.

Ср. анализ известной работы Пыпина о Салтыкове, данный Н. Глаголевым в статье «К критике историко-культурной школы». «Русский язык в советской школе», 1931 г., кн. 4.

Однако эта борьба за «нейтрального» и «благовоспитанного» Щедрина (контрабандой она ведется кое-кем и сейчас) была трудна и явно неблагодарна. Чересчур сильно было сопротивление самого материала, которое нельзя было преодолеть ни в каком «общечеловеческом», этическом или религиозно-философском плане.

Поэтому о Щедринах и было так мало написано, им стали интересоваться все меньше и меньше. Его не удалось канонизировать, вокруг него не создавали ореола, не ставили памятников, не издавали юбилейных сборников, но его и не пропагандировали. И его почти не изучали. Таким он достался в наследство нам.

Что сделало советское литературоведение в отношении изучения и пропаганды Щедрина? Кое-что сделало, но все еще очень мало.

Создание марксистского щедриноведения — дело будущего. Мы могли бы перечислить здесь ряд глубоко интересных и актуальных проблем в этой области, но это предмет особой статьи. Здесь же мы попытаемся, как было указано выше, информировать читателя об одной лишь, впрочем весьма существенной, проблеме — проблеме литературного наследства Щедрина.

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ САЛТЫКОВА

Первое собрание сочинений Салтыкова появилось много позже, чем такие же издания его литературных современников: Тургенева, Некрасова, Толстого, Гончарова, Достоевского. Даже писатели более молодого поколения, как например Глеб Успенский и Михайловский, раньше его выпустили собрания своих сочинений. Атмосфера ненависти вокруг имени Щедрина со стороны правительственных и влиятельных общественных кругов и трусливой осторожности со стороны широкого читателя, превратившегося в обстановке реакции 80-х гг. из «читателя-друга» в «читателя-подлеца», сыграли свою роль в истории издания «Собрания сочинений Салтыкова».

Насколько можно судить по опубликованным до сих пор материалам, вопрос о нем был поднят впервые книгоиздателем М. О. Вольфом¹. Предпринимая в 1880 г. издание собрания сочинений ряда русских и иностранных писателей, Вольф обратился и к Щедрина с предложением уступить ему право на издание его сочинений. Салтыков ответил на предложение характерным письмом. Указывая на наличие в книжных магазинах большого числа нераспроданных своих сочинений, выходявших отдельными изданиями, Салтыков писал: «Судите сами, возможно ли теперь полное собрание сочинений? Мне кажется, прежде всего нужно установить известный срок, в продолжение которого старые издания понемногу истощатся, а от новых я воздержусь. Я не прочь вступить с Вами в переговоры, но не вижу возможности для иных оснований»².

Салтыков явно сомневался в своевременности и успехе издания. Однако переговоры с Вольфом он все же начал, тогда же наметив порядок распределения материала по 11 предполагавшимся томам (формата in 8°) и запросив у издателя проект контракта.

Условия, предложенные Вольфом, оказались для Салтыкова «неудовлетворительными как с точки зрения вознаграждения³, так и с точки зрения сложности». «Поэтому, — писал Салтыков Вольфу, — я предпочитаю издавать на будущее время отдельные томы, как издавал до сих пор».

Возобновленные через два года (в 1882 г.) переговоры эти приближались уже к окончательному результату, но внезапная болезнь Вольфа и отъезд его за границу прекратили их совсем.

¹ Еще точнее было бы считать таким инициатором М. М. Стасюлевича, издавшего в своей «Русской библиотеке» (вып. VIII, СПб., 1878) целый ряд произведений Салтыкова (выборки из циклов: «Губернские очерки», «История одного города», «Господа ташкентцы», «Благонамеренные речи», «Помпадуры и помпадурши», «Сатиры в прозе», «Признаки времени», «В среде умеренности и аккуратности»).

² С. Ф. Либрович. На книжном посту. П.-М., 1916, стр. 191.

³ В проекте этом цифра гонорара, предложенного Вольфом, составляла сумму 33 000 рублей; сам же Салтыков оценивал право на издание собрания своих сочинений в 40 000 рублей.

Начиная с 1885 г., Салтыков непрерывно и озабоченно ищет себе «подходящего издателя» в Петербурге и Москве (переговоры с Саблиным, Сибиряковым, Салаевыми, Солдатенковым, Павленковым). Желание материально обеспечить семью и «сверх того... спасти свои сочинения от издательского, что при малолетстве детей весьма возможно»¹ и оградить «не только свое право быть изданным, но и право публики читать изданное»² — объясняют нам беспокойство и тревогу, явно различаемые во всех относящихся сюда письмах³.

Кроме того издатели в своих переговорах не стеснялись порою прибегать к таким способам и предъявлять такие своеобразные условия, которые не могли не причинить много неприятностей и волнений больному писателю. «Со мной происходит нечто вроде нелепого сновидения, — писал Салтыков В. М. Соболевскому⁴.

— «Русские Ведомости» объявили, что фирма Салаевых вступила со мной в переговоры относительно права собственности на мои сочинения и что переговоры эти приходят к удовлетворительному концу. Откуда получила газета это известие, не знаю, но

действительно ко мне вслед за тем явился доверенный фирмы и повел разговор. Всякие шли тут разговоры относительно суммы и срока платежей и пр. Наконец, когда вопросы эти почти уладились, со стороны г. Думнова посыпались разные совершенно необыкновенные запросы. Во-первых, требование, чтобы я представил все мои сочинения на просмотр предварительной цензуры⁵, а когда это требование было мною отвергнуто, то пришло другое: чтобы я представил гарантию, что издание полного собрания сочинения пройдет беспрепятственно. И это, конечно, я отвергнул. За сим дело, кажется, остановилось, и во всяком случае впереди не обещает ничего доброго... Переговоры эти глубоко меня изнурили, и я больше, нежели когда-либо». Постоянные проявления недоброжелательства и подлинная травля со стороны вся-

М. Е. САЛТЫКОВ (Н. ЩЕДРИН)
С фотографии (1868 г.), хранящейся в
Институте Русской Литературы

¹ М. Е. Салтыков-Щедрин, Письма 1845—1889 гг. Под ред. Н. В. Яковлева. Труды Пушкинского дома при Российской академии наук, Л., 1925 г., № 248. В дальнейшем всюду — «Письма». Письмо от 4 сентября 1885 г.

² Письмо к В. И. Лихачеву от 17 декабря 1887 г. — «Письма» (№ 289).

³ Письма: Л. Ф. Пантелееву 4 февр. 1889 (№ 301), В. И. Лихачеву 17 декабря 1887 (№ 289); Л. Ф. Пантелееву 17 ноября 1887 (№ 288); ему же 30 марта 1887 (№ 273); Н. К. Михайловскому 4 сентября 1885 (№ 248); см. также письма к В. М. Соболевскому в ст. Владимира Розенберга — «Щедрин — сотрудник «Русских Ведомостей», в сборнике «Русские Ведомости» 1863—1913, М., 1913 г., стр. 187—215 (вошло в книгу того же автора «Журналисты безвременья», М., 1917, стр. 134—188) и письма к Н. К. Михайловскому и Н. А. Белоголовому в газ. «Русские Ведомости» 1914 г., № 97.

⁴ Редактор «Русских Ведомостей».

⁵ Напомним, что произведения, о которых шла речь, все в свое время прошли через различные периодические издания и сверх того были неоднократно перепечатаны в отдельных сборниках Салтыкова. Нелепое само по себе требование предварительной цензуры по отношению к этим произведениям свидетельствует вместе с тем о мерах предосторожности, которые принимались издателями в целях ограждения себя от возможных последствий издания сочинений «вредного писателя».

ческих «охранителей» обусловили особую мнительность Салтыкова, проявленную им при этих переговорах, тормозившую их, но не всегда лишённую достаточных оснований. «У меня случился казус,— писал Салтыков 18 декабря 1887 г. Н. А. Белоголовому.— Сибиряков (Иппокентий) восхотел приобрести право собственности на мои сочинения как прошлые, так и будущие. Предложил 50 тыс., и я было согласился, но когда дело дошло до купчей, то меня взяло раздумье: а что если этот господин совсем меня не будет издавать и, так сказать, исключит на 50 лет из литературы. Скажет: не хочу я этого писателя, чтобы о нем в литературе значилось! Ведь ему 50 тыс. ничего не стоят. Или призовут его и скажут: «Не смей издавать!» Я предложил вследствие этого такое условие: издание полного собрания обязательно не позже как через шесть лет, а в противном случае сочинения делаются общим достоянием. Но он отказался».

Подходящего издателя Салтыков однако не нашёл и незадолго до своей смерти решил издать «Собрание» сам. «Я приступил к изданию моих сочинений,— известил он 12 марта В. М. Соболевского.— Сам я не занимаюсь этим делом, а обратился к благосклонности М. М. Стасюлевича, который и взял его на себя».

Первый том этого издания — «Сочинения. Изд. автора. 9 томов, СПб, 1889—1890» — успел выйти в свет ещё при жизни Салтыкова. После его смерти появилось «Полное собрание сочинений М. Е. Салтыкова (Н. Щедрина). Изд. наследников автора. 12 тт., СПб, 1891—1892». Это второе по счёту издание отличалось от первого не только количеством томов и несколько иным распределением материала, но и включением в него небольшого рассказа «Брусин», относящегося к 1849 г. К первому тому кроме того были приложены ценные «Материалы для биографии М. Е. Салтыкова», составленные К. К. Арсеньевым, и «Хронологический указатель к изданию сочинений М. Е. Салтыкова в 12 томах».

Издание было повторено ещё раз (в качестве третьего) в 1894—1895 гг. Затем все права на литературную собственность М. Салтыкова были проданы наследниками автора издательству А. Маркса, которое и переиздало «Собрание» ещё два раза: в 1900/01 г. самостоятельным изданием (4-е изд.) и в 1905/06 г. в качестве приложения к журналу «Нива» (5-е изд.). В нивское издание были дополнительно включены следующие произведения: комедия «Смерть Пазухина» и сказки «Медведь на водостове» (Топтыгин 1-й, 2-й и 3-й), «Мала рыбка, а лучше большого таракана» («Вяленая вобла») и «Орел-меценат»; распределение материала по томам было сделано заново.

В 1918 г. это издание было перепечатано Литературно-издательским отделом Наркомпроса (6-е по счёту изд.)¹.

Следует отметить, что из всех этих «Собраний» единственным более или менее удовлетворительным по тексту является первое (изд. автора); при последующих перепечатках текст неизменно искажался.

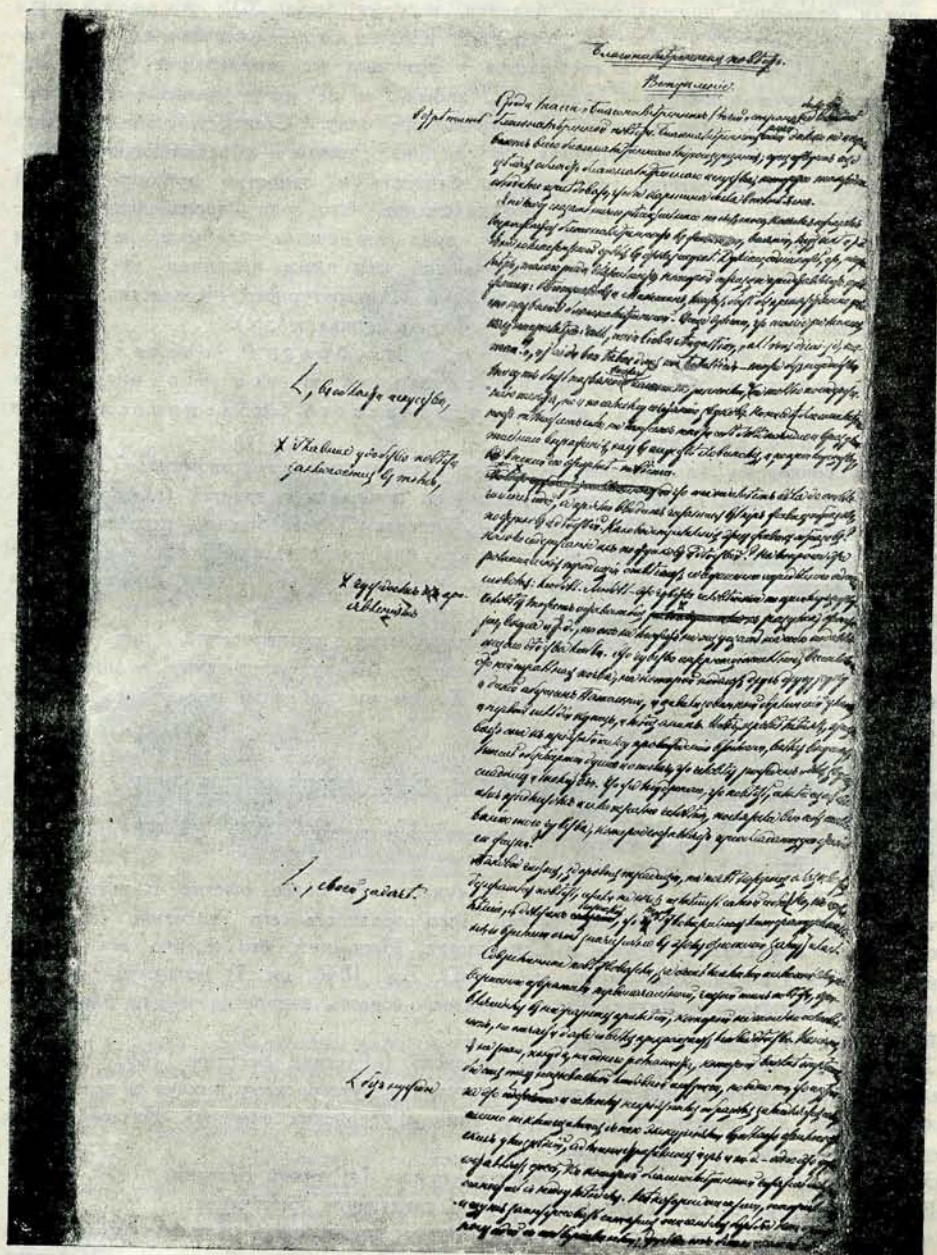
Наконец после революции появилось «Собрание сочинений М. Е. Салтыкова (Щедрина) в 6 томах. М.—Л., 1926—1928». Оно включает в себе 12 главных циклов сатирика, т. е. примерно две трети материала прежних так называемых «полных собраний», и является таким образом по существу собранием избранных произведений. Текст здесь проверен и отредактирован К. Халабаевым и Б. Эйхенбаумом и снабжен обширными примечаниями Р. В. Иванова-Разумника.

Специалисты-литературоведы знают, что все перечисленные выше «Собрания», в том числе и так называемые «полные», являются по существу далеко не полными. И это несмотря на то, а вернее благодаря тому, что сам Салтыков в основном определял план и канон этого издания.

В официальном письме-завещании 1887 г., адресованном Л. Ф. Пантелееву, Салтыков, подробно перечислив, что именно он хотел бы видеть напечатанным в собрании сочинений, и указав распределение материала по томам (13), в конце делает следующую приписку: «Хотя кроме этих сочинений и имеется ещё достаточно

¹ Хотя нельзя не отметить отсутствия «Мелочей жизни».

рассеянных в разных изданиях, но они отчуждению не подлежат, и я положительно воспрещаю их когда-либо перепечатывать» (см. «Письма», № 273; ср. № 248). В более позднем письме к тому же адресату Салтыков вновь сообщает

СТРАНИЦА РУКОПИСИ НЕОКОНЧЕННОГО РОМАНА-ПАРОДИИ М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА НА «АННУ КАРЕНИНУ» — «БЛАГОНАМЕРЕННАЯ ПОВЕСТЬ»

Из архива Государственного Музея Революции СССР

план издания (несколько более расширенный) и затем пишет: «Хотя кроме выше поименованных имеются еще не напечатанные (имеется в виду — в отдельных изданиях. — С. М.) мои сочинения, но отчасти я сам забыл о них и не могу указать.

стчасти же они так слабы, что я не желал бы перепечатки их после смерти. Поэтому «Полным собранием моих сочинений» прошу считать исчисленное выше («Письма», № 288). Таким образом устанавливается, прежде всего со слов самого Салтыкова, что помимо указанных им произведений (за малым исключением они все имели отдельные прижизненные издания, которых было 26) «имеется еще достаточно рассеянных в разных изданиях сочинений, не вошедших в «Собрание», и сообщается о причинах их невключения. К указанным автором двум причинам — «отчасти... забыл... и не могу указать», «отчасти... слабы» — мы можем, мне думается, прибавить еще одну. Салтыков любил сводить свои очерки, печатавшиеся в журналах, в крупные циклы — объединяющими принципами здесь бывали обычно тематическая близость и единство публицистической идеи. Поэтому не лишено вероятия предположение, что ряд произведений, которые даже очень строгий к себе Салтыков вряд ли считал слабыми, не был им включен лишь потому, что они остались по тем или иным причинам вне циклов (таковы например опубликованная нами в № 1 «Литературного Наследства» сатира «Испорченные дети», очерки «Годовщина», «Добрая душа» и др.).

Таким образом невключенным в «Собрание» оказался ряд художественных произведений сатирика и все его журнальные и газетные статьи публицистического, полемического и критического характера.

Все эти сочинения (в большинстве своем безыменные и псевдонимные), похороненные в продолжение десятков лет в различных журналах и газетах (главным образом в «Современнике» и «Отечественных Записках»¹), совершенно неизвестны современному читателю, а между тем многие из них представляют исключительный интерес. Без знакомства с ними невозможна во всяком случае полная характеристика и исчерпывающее изучение Щедрина.

Мы назовем здесь лишь основные из этих забытых произведений, при чем для удобства разобьем наш перечень на две категории — на художественные, а затем критические и публицистические произведения². К ним мы добавили еще раздел о рукописном наследии Салтыкова.

*

НЕСОБРАННЫЕ ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1) «Противоречия. Повесть из повседневной жизни» («О. З.» 1847, кн. 11. Подпись М. Непанов).

Повесть интересна как первое (если не считать 10 более ранних стихотворений) печатное произведение Салтыкова. В ней ярко отразилось его увлечение системами утопического социализма Фурье и Сен-Симона. Напомним, что именно эта повесть наряду с последующей «Запутанное дело» («О. З.» 1848, кн. 3) послужила поводом к высылке Салтыкова в Вятку. Таким образом повесть интересна и для биографии сатирика.

2) «Жених. Картина провинциальных нравов» («Русский Вестник» 1857, кн. 10). Типичный очерк натуральной школы. Относится к «крутогорскому циклу» и предназначался автором для неосуществленного IV тома «Губернских очерков». Интересен для изучения эволюции стиля Салтыкова.

3) Два отрывка из «Книги об умирающих» («Русский Вестник» 1858, кн. 3).

К журнальному тексту Салтыковым сделано следующее примечание:

«Под названием «Книга об умирающих» автор предположил написать целый ряд рассказов, сцен, переписок и т. д., в которых действуют люди, ставшие вследствие известных причин в разлад с общим строем воззрений и убеждений. Здесь предлагаются два отрывка, представляющие крайние границы этой галереи: начало и конец ее». Таким образом это было начало большого, не доведенного до конца

¹ В дальнейшем всюду «О. З.».

² Такое деление для Щедрина разумеется крайне условно. Пользуюсь им лишь как техническим средством для более удобной систематизации материала.

цикла¹. Законченные сами по себе фрагменты эти имеют большое значение для уяснения мировоззрения писателя в эти годы.

4) «Яшенъка» («Сборник литературных статей, посвященных русскими литераторами памяти А. Ф. Смирдина», т. VI, СПб, 1859). Повесть эту, написанную в манере Гоголя (в 1857 г.), Иванов-Разумник справедливо сближает с «Книгой об умирающих». Большой интерес представляет она для изучения творческой истории «Господ Головлевых»².

5) «Горюх» («Складчина», литературный сборник, СПб, 1874).

Очерк представляет собой первую главу большой и не совсем законченной повести Салтыкова «Тихое пристанище». При жизни автора повесть не была напе-

«УЖАСНЫЙ ВИД!... ОНИ СРАЗИЛИСЬ!...»

Карикатура из № 2 «Занозы» 1865 г.

Карикатура является откликом на известную полемику, разгоревшуюся в 1864—1865 гг. между двумя журналами — «Современником» и «Русским Словом» (статьи Зайцева и Писарева)

читана и была опубликована лишь в 1910 г. («Вестник Европы», кн. 3—4). Очерк, как и вся повесть, датируется приблизительно концом 50-х гг.

6—7) «Характеры. Подражание Лябрюэру» («Искра» 1860, №№ 25 и 28, подпись — «Стыдливый библиограф») и «Похвала легкомыслию» (там же, 1870, №№ 6, 8 и 11, подпись — «Посторонний наблюдатель»).

Принадлежность этих статей Салтыкову была установлена совсем недавно В. Гиппиусом, разрешившим тем самым интересную проблему сотрудничества Салтыкова в «Искре»³.

¹ История его подробно прослежена в первой части монографии Иванова-Разумника «М. Е. Салтыков-Щедрин», М., 1930, гл. VII.

² Оценку повести самим Салтыковым см. в его письме к П. В. Анненкову от 3 февраля 1859 г. («Письма», № 8).

³ Вас. Гиппиус, Литературное окружение М. Е. Салтыкова («Русский язык в школе», 1927, № 2); он же, М. Е. Салтыков — сотрудник «Искры» («Ученые записки Пермского университета», т. I, вып. 1-й, Пермь, 1929). Следует отметить, что тематический и стилистический анализ обоих произведений, позволивший исследователю

8) Статьи, юморески, заметки и стихи в номере 9 «Свистка» («Современник» 1863, кн. 1—2), почти целиком написанном Салтыковым: «Цензор впопыхах. Лесть в виде грубости» (юмореска, подпись: Михаил Змиев-Младенцев); «Письма отца к сыну» (публицистическая статья на тему о материализме и идеализме, без подписи); «Московские песни об искушениях и невинности» (4 стихотворных пародии, подпись: Мих. Змиев-Младенцев); «Неблаговонный анекдот о г. Юркевиче или искание розы без шипов» (полемиическая статья с философом-идеалистом, без подписи); «Секретное занятие. Комедия в 4-х сценах» (без подписи); «Песнь московского дервиша» (стихи, подпись: Мих. Змиев-Младенцев); «Сопелковцы» (юмореска, без подписи) и «Программа следующих №№ «Свистка» (без подписи).

9) «Как кому угодно. Рассказы, сцены, размышления и афоризмы («Современник» 1863, кн. 8).

Произведение состоит из трех частей, озаглавленных «Слово к читателю», «Семейное счастье» и «Размышление». Очерк «Семейное счастье» был включен Салтыковым позднее в цикл «Благонамеренных речей», тематическая близость с которым всего произведения неомыслима (тема об основных общественных идеалах — семье, собственности, государстве и их распаде).

10) «Годовщина» («О. З.» 1869, кн. 2).

Очерк этот, посвященный воспоминаниям Салтыкова о вятской ссылке, представляет большой автобиографический интерес. То же следует сказать и о следующем очерке.

11) «Добрая душа» («О. З.» 1869, кн. 3), где между прочим дан крайне редкий в творчестве Салтыкова положительный женский образ. Оба очерка (вместе с тремя сказками и рассказом «Испорченные дети») в журнальном тексте были объединены заглавием «Для детей».

12) «Испорченные дети» («О. З.» 1869, № 9) — см. о них специальный комментарий в № 1 «Литературного Наследства».

13) «В больнице для умалишенных» («О. З.» 1873, № 2—4) — весьма острая и интересно задуманная социальная сатира на новый для творчества Салтыкова объект — гвардейскую военщину. Сатира эта, вся пересыпанная злободневными намеками, трудна для понимания современным читателем и нуждается в обширных комментариях. Из «Воспоминаний» Л. Ф. Пентелеева известно, что очерк вызвал цензурный инцидент. Председатель цензурного комитета решил, что в лице главного героя — штаб-ротмистра Поделуева — Салтыков «вывел» личность великого князя Константина Николаевича. Потребовалось вмешательство Главного управления, чтобы выпустить задержанную книгу¹. Очерк «В больнице для умалишенных» в журнальном тексте помечен Салтыковым как продолжение «Дневника провинциала в Петербурге», печатавшегося в «О. З.» за 1872 г. Но, по существу говоря, это было все же начало нового и также неоконченного (быть может по соображениям цензурного порядка) цикла. В бумагах Салтыкова сохранилась между прочим и еще одна, третья по счету, глава этого цикла, лишь недавно опубликованная. Первоначально сам Салтыков предполагал включить эти главы в свое «Собрание сочинений» (см. письмо его к Л. Ф. Пентелееву от 17 ноября 1887 г., где произведение названо «В сумасшедшем доме» — «Письма», № 288). Почему это не было осуществлено — нам не удалось выяснить.

14) «Смерть Пазухина», комедия в 4 действиях («Русский Вестник» 1857, октябрь, кн. 2). Единственное произведение этого раздела, известное читателю благодаря театральным постановкам (главным образом Художественного театра). Кроме

раскрыть новые псевдонимы как салтыковские, находит себе в отношении первого из этих произведений и бесспорное документальное подтверждение. В бумагах Салтыкова, хранящихся в Институте Русской Литературы, сохранился автограф «Характеров». Таким образом известное сомнение, имевшееся у В. Гиппиуса («Характеры» при всех стилистических и текстуральных совпадениях могут быть все-таки приписаны Салтыкову как единоличному автору не с полной уверенностью), отпадает.

¹ Л. Ф. Пентелеев, «Из воспоминаний прошлого», т. II, СПб, 1908, стр. 155.

того комедия была издана М. М. Стасюлевичем в 1894 г. отдельно и включена в собрания сочинений 1905 и 1918 гг.

Ныне ряд произведений этой категории («Глуховское распутство», «Каплуны», «Годовщина», «Добрая душа», «Испорченные дети», «В больнице для умалишенных») вместе с иными забытыми произведениями, рассеянными в разных журналах («Стрижи», «Чужую беду руками разведу», «Сказка о ретивом начальнике, как он своими действиями в изумление был приведен», «Последние пошехонцам»), собраны Ивановым-Разумником в книгу под названием «Неизданный Щедрин» (она вышла в Издательстве писателей в Ленинграде в феврале 1932 г.). Следует указать, что название, данное сборнику (кем? — редактором, издательством?) может лишь ввести читателя в заблуждение. Все вышеупомянутые десять произведений, вошедшие в книгу, были уже напечатаны: семь — полностью, три — в главных отрывках. Таким образом, на долю действительно неизданного Щедрина остается лишь начало третьей главы «В больнице для умалишенных» да несколько страничек из «Послания пошехонцам» и «Сказки о ретивом начальнике», неиспользованных первыми издателями этих текстов В. П. Кранихфельдом и В. В. Гиппиусом¹.

НЕСОБРАННЫЕ КРИТИЧЕСКИЕ И ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ

Эта категория забытых статей Салтыкова особенно многочисленна. Она вместе с тем представляет для исследователя особые трудности и особенный интерес.

В своих незаконченных воспоминаниях о Салтыкове Г. З. Елисеев, хорошо знавший литературную деятельность сатирика, писал: «Русская публика знает М. Е. Салтыкова как талантливого сатирика... Но она не знает того, что он был вместе с тем человек замечательно сильной мысли, что когда нужно было по обстоятельствам написать для журнала какую-нибудь экстренную публицистическую статью или рецензию... он брался за это, и все подобные статьи, которых не мало наберется в «Современнике» и «Отечественных Записках» и которые до сих пор остаются неизвестны публике, были в своем роде шедевры, сообразно с теми щекотливыми обстоятельствами, по которым они писались»². С тех пор как были опубликованы эти строки, прошло почти 40 лет, а для «публики», теперь уже пролетарской, советской, облик Салтыкова — журналиста, публициста и критика, все так же неясен.

А между тем эта блестящая сторона деятельности Салтыкова заслуживает самого пристального внимания и не только исследователей, но и самых широких кругов литературной общественности. Злой, желчной и темпераментной журналистике Салтыкова был в высшей степени присущ дух партийности. Салтыков умел бороться со своим идейным врагом, доводя эту борьбу до полного разгрома противника. Противником же для него была реакция во всех ее проявлениях, но главным образом в литературе и журналистике.

Разумеется не марксист, но обладавший большим умом социолога Салтыков был способен различать подлинную, классовую сущность отдельных общественных деятелей, явлений и социальных групп, он умел необычайно остро определять их социальную роль, сводя эти явления к общественным факторам, их породившим. Недаром же его так ценил Ленин, а Маркс знакомился по нему с интересовавшими его процессами русской общественной жизни.

¹ Не имея возможности по условиям места и характера статьи дать здесь оценку сборника в целом, ограничимся еще лишь одним замечанием. Большим недостатком сборника, переходящим в политическую ошибку, является отсутствие в книге руководящей сопроводительной к текстам статьи критического характера. А такая статья, построенная на марксистско-ленинских определениях щедринской сатиры, прямо необходима в отношении собранных в книге публикаций, среди которых есть произведения исключительного значения в деле выяснения классовой природы Щедрина (например очерк «Чужую беду руками разведу»). Историко-литературный комментарий Иванова-Разумника, проследивающий «биографию» каждого произведения и дающий его тематическую характеристику, является явно недостаточным.

² «Некрасов и Салтыков» (Из посмертных бумаг Г. З. Елисеева), «Русское Богатство» 1893, кн. 9, стр. 59.

Многие сотни страниц занимает «журналистика» Салтыкова, но все это еще далеко не учтено, не собрано, а потому и неизвестно даже узкому кругу специалистов.

Трудности исследовательской работы на этом первом этапе — собирания — очевидны. Дело в том, что если свои художественные произведения Салтыков всегда подписывал одним из своих псевдонимов¹, то, наоборот, свои публицистические статьи часто, а рецензии всегда он печатал анонимно. Изучение сохранившихся бумаг Салтыкова (по крайней мере по архивам б. Пушкинского дома) здесь также почти ничего не дает; очевидно эти рукописи автором не сохранялись. Таким образом исследователю остается применять здесь не всегда надежный метод стилистического анализа и тематических сближений, подкрепляемый впрочем иногда документально как письмами самого Салтыкова, так и его современников. Этот метод позволил известным исследователям творчества сатирика — С. Борщевскому, В. В. Гиппиусу, В. Е. Евгеньеву-Максимову, Р. В. Иванову-Разумнику и Н. В. Яковлеву — установить за последние годы в качестве бесспорно салтыковских довольно большое количество статей. Но он же определил и обширность (как ни у кого в русской литературе) категорий салтыковских dubia. За всем тем с несомненностью можно утверждать, что остается еще ряд произведений сатирика вообще еще не «открытых» и не зарегистрированных. Таким образом тема «Салтыков-критик» еще ждет своего исследователя²; она нуждается в кропотливой и сложной предварительной работе, направленной к возможно более точному и полному выяснению самого объекта исследования.

Мы не имеем здесь возможности познакомить читателя подробно со списком забытых журнальных статей и заметок Салтыкова в виду обширности этого списка. Назовем поэтому лишь наиболее интересные произведения этой категории, об остальном же упомянем попутно, объединив подлежащий сюда материал в две группы.

А. Интенсивная журнальная деятельность молодого Салтыкова была учтена еще А. Н. Пыпиным, составившим довольно обширный «Список статей Салтыкова, помещенных в «Современнике» (и в «Свистке»). — С. М.) за 1863—1864 гг.³

Уже в наши дни список был дополнен В. Е. Евгеньевым-Максимовым на основании данных, извлеченных им из конторских книг «Современника»⁴, и Р. В. Ивановым-Разумником, давшим в своей монографии⁵ сводку и общий обзор всех этих статей (всего 50 названий). Иванов-Разумник обследовал также более ранний период деятельности Салтыкова в «Современнике» и «Отечественных Записках» за годы 1847—1848, тем самым значительно уточнив и дополнив (им установлено 11 бесспорных рецензий Салтыкова за этот период) имевшиеся и раньше указания К. К. Арсеньева⁶ и более поздний — газетные политические статьи Салтыкова за 1861 г. (всего 6).

Весь этот громадный материал представляет исключительный интерес для выяснения вопроса об идеологии и художественном методе молодого Салтыкова и о тех влияниях, под которыми они формировались.

¹ Таких твердо теперь установленных псевдонимов шестнадцать: Н. Щедрин, М. Непанов, Т—н, Стыдливый библиограф, Посторонний наблюдатель, Мих. Змиев-Младенцев, К. Гурин, Н. Гурин, М. М., Молодой человек, Dixi, М. С., Nemo, С. С.—в, Н. Г., а также может быть Посторонний сатирик (совместно с М. Антоновичем).

² Кое-что впрочем здесь уже сделано. См. работу В. Е. Евгеньева-Максимова, Салтыков-Щедрин и реакционная беллетристика 60-х гг. («Звезда» 1929, кн. II, стр. 191—203); вошло в его книгу «Из прошлого русской журналистики» (Л., 1930).

³ А. Н. Пыпин, М. Е. Салтыков, СПб, 1899, стр. 235—238.

⁴ В. Е. Евгеньев-Максимов, В тисках реакции, стр. 133, а также в более ранних журнальных статьях («Народное Слово» 1917, № 66—67 и «Страна» 1918, № 31).

⁵ Р. В. Иванов-Разумник, М. Е. Салтыков-Щедрин. Жизнь и творчество. Часть первая: 1826—1868, М., 1930.

⁶ К. К. Арсеньев, Материалы для биографии М. Е. Салтыкова в I томе Полного собрания соч. М. Е. Салтыкова, 4-е изд., П., 1900.

[illegible]

The handwriting of the Greek manuscript.
 1811
 The handwriting of the Greek manuscript is very good. The characters are well written, and the ink is of a good color. The paper is of a good quality, and the binding is of a good material. The text is written in a clear and legible hand, and the punctuation is well placed. The margins are wide, and the text is well aligned. The overall appearance of the manuscript is very good, and it is a pleasure to handle.

Особо примечательной в этом отношении является его обширная (из 10 очерков) художественно-публицистическая хроника «Наша общественная жизнь» («Современник» за 1863 и 1864 гг.), остро полемическая и напряженная, вся пронизанная актуальными темами этой взволнованной и возбужденной эпохи.

Для историков литературы «хроника» интересна и тем, что здесь Салтыков, уже целиком отказавшись от «физиологической» манеры «Губернских очерков», как бы окончательно нашел и закрепил свой стиль и форму письма, здесь же впервые сформулировал он и многие темы своих будущих сатир.

Следует указать, что четырьмя главами «хроники» («Современник» 1863, №№ 1—2, 3 и 5, 1864, № 1) Салтыков несколько позднее воспользовался, включив их в цикл «Признаков времени» при отдельном издании его «Признаки времени и Письма о провинции». СПб, типография Э. Праца, 1869). Однако для третьего¹ издания цикла (СПБ, типогр. А. Красовского 1882) Салтыков извлек оттуда очерки «Новогодние размышления» и «Картонные копия — картонные речи» (отрывок). В «Признаках времени» таким образом остались и вошли впоследствии в «Собрание сочинений» лишь две главы «хроники»: знаменитый «Сеничкин яд» и «Русские гулящие люди за границей».

Важными документами для истории нашей журналистики и критики являются также полемические статьи Салтыкова против «Времени» — журнала Достовских² — и критические очерки «Драматургии-паразиты во Франции» («Современник» 1863, кн. 1—2³, «Московские письма» I и II («Современник» 1863, кн. 1—2 и 3, подпись — К. Гурин). и «Петербургские театры» («Современник» 1863, кн. 1—2 и 11).

Наконец нельзя не упомянуть особо об анонимном «летнем фельетоне» Салтыкова «В деревне» («Современник» 1863, кн. 8), посвященном вопросу о крестьянском труде и помещике. Очерк этот, обобщающий отчасти наблюдения Салтыкова над своим собственным хозяйством (в подмосковном имении «Витенево»), тематически предваряет будущее «Убежище Монрепо». Мысль о социально-исторической неизбежности разложения и гибели помещичьего землевладения в «реформированной» России высказано здесь уже вполне отчетливо.

Б. В меньшей степени учтенны и особенно изучены анонимные статьи и рецензии Салтыкова в «Отечественных Записках» 1868—1884 гг. Эта интересная проблема нуждается в дальнейшем углубленном исследовании.

Изучение писем Салтыкова позволило издателю последних Н. В. Яковлеву документально установить принадлежность Салтыкову рецензий на произведения Н. С. Лескова-Стебницкого (Повести, очерки и рассказы — «О. З.» 1869, кн. 7) и Д. Д. Минаева («В сумерках» — «О. З.» 1868, кн. 5—6)⁴.

В опубликованных в 1927 г. В. Е. Евгеньевым-Максимовым письмах Салтыкова к Некрасову⁵ содержатся бесспорные указания на следующие статьи и рецензии: 1) «Бродящие силы». В. Авенариуса — разбор двух повестей («О. З.» 1868, кн. 4).

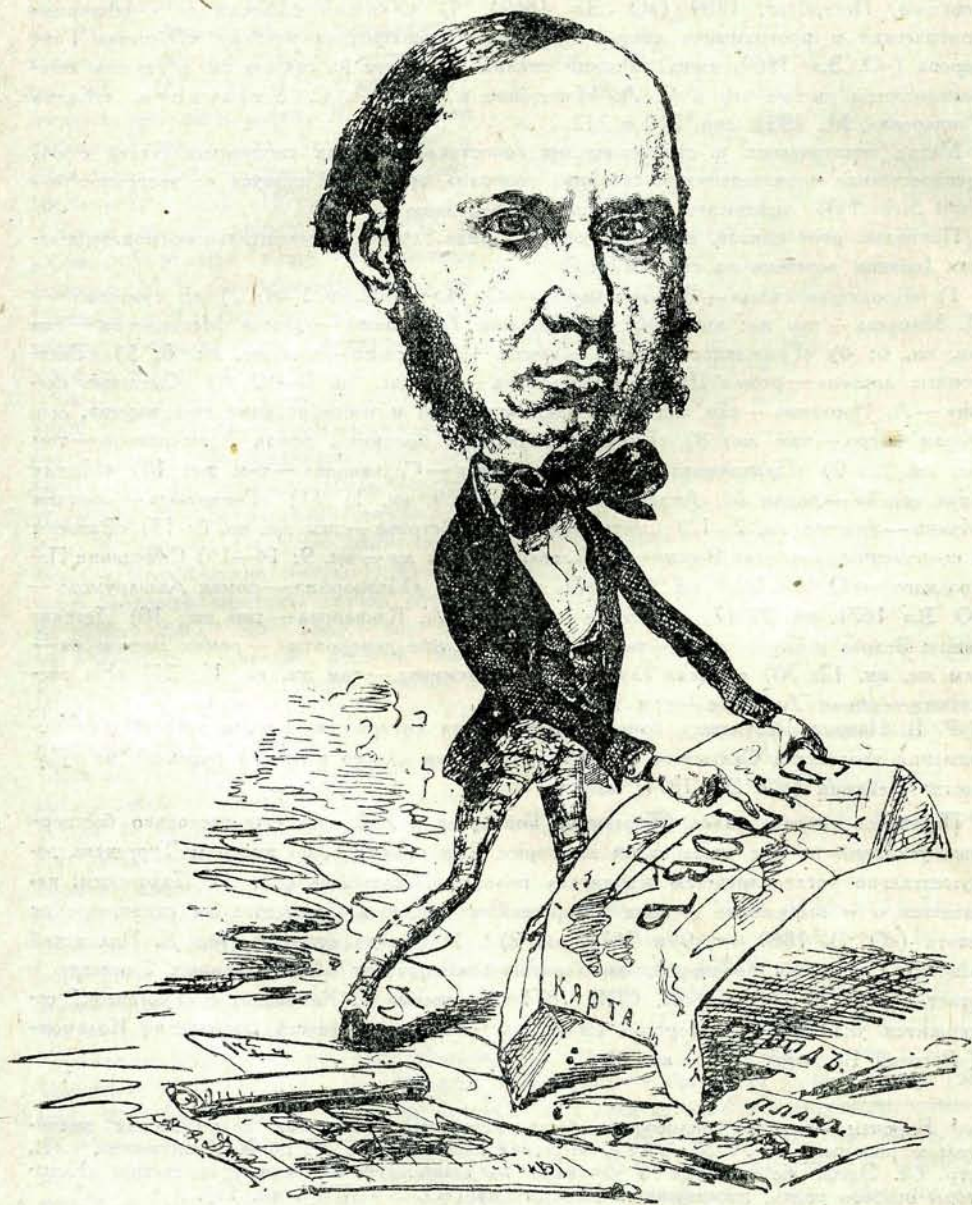
¹ На титульном листе этого издания обозначено: издание второе. Эта явная ошибка или опечатка перешла и во все библиографические указатели. Второе издание «Признаков времени», вполне тождественное с первым, появилось уж в 1872 г. (изд. книгопродавца С. В. Звонарева); оно имеет 408 страниц. Третье издание, 1882 г., значительно отличается от первых двух как своим содержанием, так и внешностью; при большем формате оно имеет 356 стр.

² В этой полемике Салтыков принял участие четырьмя статьями, помещенными в «Современнике»: 1) «Литературная подпись», 1863, кн. 1—2; 2) «Тревоги. «Времени», 1863, кн. 3; 3) «Литературные мелочи. Стрижи», 1864, кн. 5; 4) «Гг. «Семейству М. М. Достоевского», издающим журнал «Эпоха» (было опубликовано лишь в 1908 г. в январском номере журнала «Минувшие Годы», стр. 77—83). См. также «Несколько полемических предложений. Из письма в редакцию». «Современник», 1863, кн. 3.

³ См. указание В. Е. Евгеньева-Максимова в его книге «В тисках реакции», стр. 133.

⁴ Н. В. Яковлев, «Письма Щедрина», жур. «Борьба классов» 1924, кн. 1—2 (вошло в качестве предисловия в издание «Писем»). Отметим, что высказанное здесь же предположение об авторстве Салтыкова в статье «Крестьянин о современных событиях. (Заметка по поводу еврейских погромов)» ошибочна. Статья принадлежит Глебу Успенскому.

⁵ «Печать и Революция» 1927, кн. 3, стр. 47—62.

КАРИКАТУРА НА САЛТЫКОВА ХУДОЖНИКА А. ДОЛОВОТА

Из издания «Галерея русских деятелей» 1869 г.

Щедринский образ города Глупова был сразу же правильно понят современниками как сатирическое иносказание для обозначения всей крепостнической, помещичьей и чиновничьей России. Карикатура, изображающая Салтыкова с географической картой Глупова, наглядно иллюстрирует это

2) Некролог о Е. П. Ковалевском («О. З.» 1868). 3) Полемическая статья на «Материалы для характеристики современной русской литературы» М. Антоновича и Ю. Жуковского, Петербург, 1869 («О. З.» 1869). 4) «Уличная философия»¹ — обширная критическая и программная статья Салтыкова, посвященная разбору «Обрыва» Гончарова («О. З.» 1869, июнь). Резкий отклик Гончарова на статью см. в недавно опубликованном письме его к С. А. Никитенко в книге Л. С. Утевского, «Жизнь Гончарова», М., 1931, стр. 210 и 212.

Метод тематических и стилистических сопоставлений ряда анонимных статей с общезвестными произведениями сатирика позволил проф. В. Гишпиусу «с уверенностью» (mit Sicherheit) приписать Салтыкову 21 рецензию².

Приводим этот список, еще требующий в ряде случаев документального подтверждения (сравни перечень на стр. 297):

1) «Бродящие силы» — В. Авенариуса — «О. З.» 1868, кн. 3—4; 2) «В сумерках» — Д. Миннаева — там же, кн. 5—6; 3) «Княжна Тараканова» — роман Мельникова — там же, кн. 6; 4) «Гражданский брак» — комед. Чернявского — там же, кн. 8; 5) «Засоренные дороги» — роман Шеллера-Михайлова — там же, кн. 9—10; 6) «Смешные песни» — А. Иволгина — там же; 7) «Задельная плата и кооперативные ассоциации», соч. Жюля Муро — там же; 8) «Внучка панцырного боярина», роман Лажечникова — там же, кн. 12; 9) «Провинциальные воспоминания» — Селиванова — там же; 10) «Между двух огней» — роман М. Авдеева — «О. З.» 1869, кн. 1; 11) «Говоруны» — комедия Манна — там же, кн. 2; 12) Стихотворения Н. Петрова — там же, кн. 8; 13) «Записки о современных вопросах России» Г. Палеолога — там же — кн. 9; 14—15) Сочинения Полонского — «О. З.» 1869, кн. 9 и 1871, кн. 2; 16) «Мандарин» — роман Ахшарумова — «О. З.» 1871, кн. 2; 17) «Путевые заметки» — А. Клеванова — там же; 18) Детские книги Белова и Бороздиной — там же; 19) «Русские демократы» — роман Витякова — там же, кн. 12; 20) «Лесная глушь» — С. Максимова — там же, кн. 12; 21) «На распутии» — роман Авсеенко — там же.

Р. В. Иванову-Разумнику принадлежит заслуга «открытия» весьма важной для понимания творчества Салтыкова (особенно «Истории одного города») рецензии на «Повести» Лейкина («О. З.» 1871, май)³.

Переписка современников (Тургенев, Гончаров и др.) дает еще несколько бесспорных указаний на ряд статей этой категории. Так например, по письмам Тургенева документально устанавливается «сердитая» полемика Салтыкова с Я. П. Полонским, нашедшая себе выражение в двух интереснейших отрывках Салтыкова на стихотворения поэта («О. З.» 1869, кн. 9 и 1871, кн. 2)⁴. Интересно отметить, что Я. Полонский ответил Салтыкову брошюрой, озаглавленной «Рецензент «Отечественных Записок» и ответ ему Я. П. Полонского», СПб, 1871⁵. В письме Е. Колбасина к Тургеневу⁶ содержится указание на авторство Салтыкова в статье «Алексей Васильевич Кольцов» («Русский Вестник» 1856, кн. 6).

¹ Впрочем «Уличная философия» была зарегистрирована как салтыковская значительно раньше. См. А. Мезиер, «Русская словесность с XI по XIX столетие», ч. II, стр. 64. Здесь же имеется и указание на анонимную салтыковскую статью «Новаторы особого рода», посвященную Боборыкину («О. З.» 1868, кн. 11).

² Hippus, Ergebnisse und Probleme der Saltykow Forschung, Zeitschrift für slavische Philologie, B. IV, H. 1/2 Lpz, 1927 г., S. 184. В той же статье предположительно приписаны Салтыкову статья «Насущные потребности литературы» («О. З.» 1869, кн. 10) и рецензии на «Путешествия и рассказы» Г. Тишанского («О. З.» 1878, кн. 4) и «Надю» Чаева (там же).

³ См. № 1 журнала «Былое» за 1926 г., стр. 48—54.

⁴ И. С. Тургенев, Первое собрание писем, СПб, 1885. Письмо Тургенева к Полонскому от 24 апреля 1871 г.; сб. «Некрасов», изд. Сабашникова, 1922, стр. 282—283; письмо Салтыкова к Некрасову; см. также статью В. Евгеньева в журнале «Современник» 1915, кн. 3.

⁵ Брошюра эта — библиографическая редкость.

⁶ Письмо от 2 декабря 1856 г. См. «Тургенев и круг «Современника», изд. «Academia» 1930, ред. Н. В. Измайлова, стр. 303.

Здесь же нужно указать на большие публицистические статьи: «Так называемое Нечаевское дело» («О. З.» 1871, кн. 9) и «Первая русская передвижная художественная выставка в Петербурге» («О. З.» 1871, кн. 12). Статьи эти, подписанные инициалами М. М., были зарегистрированы как салтыковские в «Указателе к «Отечественным Запискам» 1868—1877», СПб, 1878.

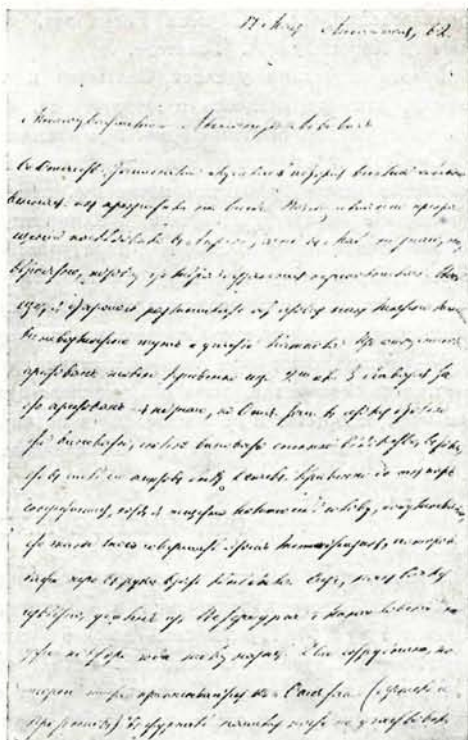
Кроме того в вышедшей в 1932 г. в изд. «Academia» книге «Неизвестные страницы М. Е. Салтыкова-Щедрина» редактором ее С. Борщевским устанавливается принадлежность Салтыкову следующих статей:

1) «Напрасные опасения» («О. З.» 1868, кн. 10); 2) «Перемелется — мука будет», комед. И. Самарина («О. З.» 1868, кн. 11, отдел «Петербургские театры»); 3) «Мещанская семья», комед. М. Авдеева («О. З.» 1869, кн. 2, отдел «Петербургские театры»); 4) «Человек, который смеется», разбор романа В. Гюго («О. З.» 1869, кн. 12); 5) «Один из деятелей русской мысли» — незаконченная обширная статья о Т. Грановском («О. З.» 1870, кн. 1); 6) «Наши бури и непогоды» («О. З.» 1870, кн. 2). Очерк, имеющий своей основной темой «гражданский испуг обывателей» (в связи с арестом Нечаева).

В этой же книге устанавливается принадлежность Салтыкову следующих

отзывов (рецензий), извлеченных из «Отечественных Записок» 1868—1878 гг.: 1) «Новые сочинения» — Г. П. Данилевского (1868, кн. 8); 2) «Засоренные дороги» — А. Михайлова (1868, кн. 9); 3) «А. Большаков» — И. Кошкарлова (1868, кн. 10); 4) «Движение законодательства в России» — Григория Бланка (1869, кн. 10); 5) «Вразброд» — А. Михайлова (1870, кн. 2); 6) «Нерон» — Н. П. Жандра (1870, кн. 7); 7) «Новые русские люди» — Д. Мордовцева (там же); 8) «Своим путем» — Л. А. Ожигиной (1875, кн. 9); 9) «Повести и рассказы» — Анатолия Брянчанинова (там же); 10) «Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права» — А. Романовича-Славянского (1870, кн. 11); 11) «Слияние сословий, или дворянство, другие состояния и земство» — * (там же); 12) «Записки» Е. Хвостовой и «Прошедшее и настоящее» — Ю. Голицына (1871, кн. 1); 13) «Суета сует» — Николая Соловьева (там же); 14) «Шаг за шагом» — Оммулевского (1871, кн. 4); 15) «Цыгане» — В. Ключникова (1871, кн. 9); 16) «Темное дело» — Дмитрия Лобанова (там же); 17) «Заметки в поездку во Францию, Италию, Бельгию и Голландию» — Н. И. Тарасенко-Отрешкова (1871, кн. 10); 18) «Беспечальное житье» — А. Михайлова (1878, кн. 8); 19) «Энциклопедия ума или словарь избранных мыслей авторов всех народов и всех веков» — Н. Макарова (1878, кн. 12).

Лейтмотивом этого обширного «несобранного собрания» критических статей Салтыкова является неизменная борьба с реакционной, порнографической и просто безыдейной литературой и публицистикой того времени, при чем реакционными произведениями считал Салтыков не только злобные памфлеты на шестидесятников, выходившие из-под пера Лескова, Писемского, Ключникова и Всеволода Крестовского, но и такие

СТРАНИЦА ПИСЬМА М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА К А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ ОТ 31 ЯНВАРЯ 1883 г. (ОБ ОБЪЯВЛЕНИИ «ОТЕЧ. ЗАП.» ВТОРОГО ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЯ)

Из архива Института Русской Литературы

произведения, как «Обрыв» Гончарова, «Отцы и дети» и «Новь»¹ Тургенева, даже «Анну Каренину» Л. Толстого.

Много внимания уделяет Салтыков и таким, вполне актуальным и для нас проблемам, как «партийность в литературе», «отставание литературы от жизни», значение литературы как особой формы пропаганды общественных идей и т. д. и т. п.²

Суровая и страстная непримиримость к идейному врагу, острота, напряженность и единство мысли, ядовитая насмешка, неизменная общественная актуальность — вот характерные черты щедринской публицистической критики. Она оформлена к тому же с исключительным блеском литературного мастерства. Богатое разнообразие критических жанров — критика в форме повести, пародии, гротеска, драматизированного диалога и т. п., своеобразие полемических приемов, наряду с другими вышеотмеченными признаками, выдвигают Салтыкова в первые ряды русской литературной критики. Однако — констатируем еще раз, — несмотря на богатство и обилие уже приведенного в известность материала, тема о Салтыкове-критике не только еще не разрешена, но даже во всем ее объеме и не поставлена в научной литературе, к ней до сих пор не привлечено достаточно внимания читателя и исследователя³.

РУКОПИСНОЕ НАСЛЕДИЕ САЛТЫКОВА

Рукописное богатство Салтыкова сохранилось главным образом в архиве М. М. Стасюлевича, ныне находящемся в Институте Русской Литературы Всесоюзной Академии Наук (б. Пушкинский дом) в Ленинграде. В своем письме 1910 г. в редакцию «Вестника Европы» Стасюлевич писал: «Вскоре после кончины (28 апреля 1889 г.) Михаила Евграфовича Салтыкова вдова его, Елизавета Аполлоновна, пригласила меня для разбора вместе с нею бумаг и рукописей, находившихся в кабинете покойного. При этом пришлось отложить в сторону как черновики, писанные им собственноручно, так и бумаги, переписанные, но очевидно прочтенные автором внимательно, так как в них встречаются поправки и дополнения, сделанные его рукой. Все эти бумаги были

¹ Мало кто знает из читателей Тургенева, что Салтыков, раздраженный изображением «новых людей» (т. е. революционеров), которое дал Тургенев в «Нови», написал, по существу говоря, большую и в высшей степени интересную рецензию на роман, но уже в форме художественного рассказа под названием «Чужую беду руками разведу». Цензура однако не пропустила рассказ, часть его Салтыков использовал в 1877 г. в тексте «Дворянских мелодий» («О. З.» 1877, кн. 11), а весь рассказ, в «сокращенном и затуманенном ради цензуры виде» опубликовал в № 12 «О. З.» за 1880 г. под названием «Чужой толк». Полностью, но неисправно рассказ «Чужую беду руками разведу» был напечатан в зарубежном издательстве — у Эллидина в Женеве (2-е изд. 1890 г.). Ныне он вошел в сборник «Неизданный Щедрин». Автокомментарии Салтыкова см. в его письмах (№№ 124, 125, 126).

² Авторство Салтыкова С. Борщевский устанавливает весьма кропотливым, но вместе с тем и «единственно надежным» методом текстовых параллелей. Нельзя не отдать должное ценности проделанной редактором работы и убедительности его аргументаций. По отношению к ряду статей такая подробная аргументация является, нам кажется, даже излишней. Это касается например такой статьи, как «Первая русская передвижная выставка», подписанная бесспорным салтыковским псевдонимом М. М., статьи «Один из деятелей русской мысли», о которой есть указание в письмах самого Салтыкова, и некоторых других.

³ Эту задачу к сожалению не разрешает и упомянутый выше специальный сборник критических статей Салтыкова «Неизвестные страницы». Редактор его чрезмерно увлекся чисто исследовательской лабораторной работой по установлению «неизвестных страниц» Щедрина (хотя в первом разделе книги многие статьи уже давно были отмечены в литературе как салтыковские) и тем самым «академизировал» сборник. Бесспорно, было бы правильнее сделать книгу избранных наиболее важных и ярких публицистических и критических статей Щедрина, которые неизвестны широкому читателю ровно в такой же мере, как и новооткрытые страницы. Результаты же своих ценных изысканий по установлению новых текстов редактор мог бы изложить в порядке комментария. Без знакомства с такими центральными произведениями Салтыкова-критика, как например статья «Уличная философия» (быть может лучший разбор гончаровского «Обрыва»), нельзя составить еще достаточно полного и правильного представления о критической деятельности сатирика.

отданы Елизаветой Аполлоновной в мое полное распоряжение...»¹ Таким образом в руки Стасюлевича попали почти все рукописи, хранившиеся у самого Салтыкова. Это колоссальное богатство лежало однако у Стасюлевича мертвым кладом в течение 20 с лишним лет².

Только в 1910 г. были впервые напечатаны три рукописи собрания (см. об этом ниже), и эти публикации и положили начало изучению рукописного наследия Салтыкова.

До революции впрочем более или менее серьезно и систематически работал над архивом Щедрина лишь один В. П. Кранихфельд, извлекавший из него для своих работ ряд ценных вариантов.

Он оставил между прочим характеристику архива, с которой мы считаем не лишним познакомить читателя. «Главная ценность архива,— пишет Кранихфельд,— заключается в том, что он дает картину всей или почти всей литературной деятельности сатирика во все периоды его жизни. Здесь находятся рукописи его юношеских произведений; здесь же хранятся и рукописи последних лет его жизни, вплоть до «Пошехонской старины». Правда, многих, очень многих рукописей даже известных произведений Щедрина нет в архиве; многие рукописи сохранились в случайных обрывках без начала и без конца. Но зато каждая из сохранившихся рукописей дает интересный и поучительный материал для изучения творчества сатирика в его интимной лаборатории. Можно сказать, что в архиве Щедрина, за немногим исключением, нет рукописи, которая бы с точностью воспроизводила известный читателю печатный текст его произведения. Сатирик добросовестно и много работал над своими произведениями, и каждая его рукопись представляет собой не установившийся текст, а новый ва-

Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание
 Рукописи, принадлежащие М. Е. Салтыкову-Щедрину, собранные им самим и его женой, а также его детьми, в течение его жизни. Собрание это состоит из рукописей, принадлежащих М. Е. Салтыкову-Щедрину, и рукописей, принадлежащих его жене, а также его детям. Собрание это хранится в архиве М. Е. Салтыкова-Щедрина, в котором хранятся также и другие рукописи, принадлежащие М. Е. Салтыкову-Щедрину, и рукописи, принадлежащие его жене, а также его детям. Собрание это хранится в архиве М. Е. Салтыкова-Щедрина, в котором хранятся также и другие рукописи, принадлежащие М. Е. Салтыкову-Щедрину, и рукописи, принадлежащие его жене, а также его детям.

СТРАНИЦА ПИСЬМА М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА К А. Л. БОРОВИКОВСКОМУ ОТ 17 МАЯ 1884 Г. (О ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМ ЗАПРЕЩЕНИИ «ОТЕЧ. ЗАП.»)

Из архива Института Русской Литературы

¹ «Вестник Европы» 1910, кн. 3, стр. 133.

² Как это ни странно, но создается впечатление, что Стасюлевич просто забыл о нем. Записка Стасюлевича, приложенная к изданию «Тихого пристанища» («Вестник Европы» 1910, кн. 3, стр. 133) позволяет думать, что он сам вспомнил и решил опубликовать... переданные ему рукописи. Однако такое впечатление не соответствует истине. Газетная хроникерская заметка 1910 г. позволяет нам восстановить ее. Вот что там написано: «Газеты сообщают о находке (!—С. М.) новых произведений Щедрина. После перехода в прошлом году «Вестника Европы» от М. М. Стасюлевича к М. М. Ковалевскому секретарь нового «Вестника Европы» М. А. Славинский занялся разборкой рукописей и бумаг в кабинете Стасюлевича, и ему удалось открыть рукописи никогда не появлявшихся произведений Щедрина, объемом приблизительно в 40 печ. листов. В том числе неоконченный роман... Открытые богатства этим не исчерпываются. Найдены два новых «Губернских очерка», несколько новых «Сказок» («СПБ Ведомости» 1910, № 7910). Таким образом произведения великого сатирика пришлось еще раз открывать в кабинете «регистратора» Стасюлевича. И это «открытие» было столь неожиданным, что произвело в литературной среде, по свидетельству Чехихина-Ветринского, «подлинную сенсацию» («О произведениях М. Е. Салтыкова», «Русские Ведомости» 1910 г., № 11, стр. 2).

риант. Почти каждое свое произведение он перерабатывал по нескольку раз, и среди рукописей Щедрина не в редкость встретить одно и то же произведение в шести, семи и даже восьми вариантах, сильно отличающихся друг от друга¹.

Добавим, что детальное изучение этой опромной работы Щедрина над рукописью представляет для нас особый интерес по сравнению с аналогичным изучением рукописи какого-либо другого писателя. Далеко не всегда эта работа преследовала задачи чисто художественного и стилистического характера. Часто исправления автора носят на себе печать иных целей — стремление сказать «недозволенное» «дозволенными» по форме словами. Они вводят нас в сложную лабораторию «рабьего», «эзопова» языка.

После революции началось более планомерное и интенсивное изучение рукописного наследия Салтыкова, в том числе и эпистолярного, рядом исследователей, но главным образом Н. В. Яковлевым.

Оно позволило открыть ряд новых, доселе неизвестных страниц великого сатирика и выяснить интересные варианты его ранее напечатанных сочинений. Приводим составленный нами свод этих публикаций.

А. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ

1) «Глуповское распутство» («Нива» 1910, № 9, стр. 162—174 и «Русское Слово» 1910, № 47).

2) «Каплуны» («Нива» 1910 г., № 13, стр. 250—254). Оба очерка принадлежат к «Глуповскому циклу». Они предназначались для «Современника» 1862 г.

«Глуповское распутство» было запрещено цензурой (вернее влиятельным придворным — графом С. Г. Строгановым, так как первоначальное разрешение Цензурного комитета имелось). Второй очерк «Каплуны» не был напечатан по иной причине.

Из позднейшего письма Салтыкова к Пышину известно, что рассказ вызвал возражение Н. Г. Чернышевского, который «по этому случаю» писал Салтыкову, «оспаривал» его и «убедил взять очерк назад». Можно предположить (письмо не сохранилось), что именно оспаривал Чернышевский в «Каплунах». Салтыков, поставив здесь «жгучий вопрос эпохи: идти ли на сделку с установившимися формами жизни... или откровенно взглянуть на них, как на старый хлам...» — разрешал его политически и тактически недостаточно четко, что могло дать повод для упреков в пропаганде политики компромиссов. Оба очерка были впервые опубликованы в «Ниве» с двух корректурных оттисков, сохранившихся в архиве М. М. Стасюлевича. С исправлениями по рукописи они перепечатаны еще раз Ивановым-Разумником в книге «Неизданный Щедрин» (Л. 1932).

3) «Тихое пристанище» («Вестник Европы» 1910, кн. 3 и 4, стр. 133—167 и 3—74). Неоконченная повесть в 7 главах: Город, Веригин, Меценат, Первые знакомства, Ключевы, Услуга, Обыск. См. об этой повести выше на стр. 89(5).

4) «Тени» («Заветы» 1914, кн. 4, стр. 11—91) — драма в 4 действиях. Опубликовано Р. В. Ивановым-Разумником. В том же 1914 г. драма была поставлена в Мариинском театре в Петербурге в спектакле Литературного фонда и вызвала резкий протест черносотенной печати. См. об этом статьи в газете «День» 1914, №№ 97, 110, 114.

5) «Бедный волк» — вариант сказки (газ. «Киевская Мысль» 1914, № 116, в статье В. П. Кранихфельда «Обновленная сатира Щедрина»).

6) I. «Господа ташкентцы (Из воспоминаний одного просветителя)» и II. «Ташкентцы приговорительного класса. Параллель пятая и последняя». Новые страницы и варианты («Вестник Европы» 1914, № 5, стр. 6—25 и «Голос Минувшего» 1914, кн. 5; кроме того в отрывках в газете «Речь» 1914, № 116. Исправлено по рукописи, опубликовано еще раз Н. В. Яковлевым в «Звезде» 1916 г., кн. 1)².

¹ В. П. Кранихфельд. Обновленная сатира Щедрина (газета «Киевская Мысль» 1914, № 116).

² «Господа ташкентцы» (6), «Предчувствия, гадания...» (20) и «Глупов и глуповцы» (22) были переизданы И. С. Зильберштейном в книжке «М. Е. Салтыков-Щедрин. Несобранные произведения». М., 1930.

ИЗ БЫЛИНЫ «ИЛЬЯ МУРОМЕЦ И ЗМЕЙ»
 «ГОЙ ТЫ, СТАРЫЙ КАЗАК, ДА ИЛЬЯ МУРОМЕЦ,
 ТЕБЕ ГДЕ ЖЕ ПОВИТЬ ТЮЮ СИЛУ ВЕЛИКУЮ?»

Карикатура А. И. Лебедева из издания: [В. Михневич] «Наши знакомые». Фельетонный словарь современников. П., 1834.

Картина изображает одетого в «русский» костюм Щедрина, стоящего около стопы из книг своих сочинений. В правой руке он держит треххвостную плеть. За ним видна многоголовая извивающаяся гидра, на длинных и тонких шеях которой имеются надписи, обозначающие щедринских «героев»: Разуваев, Грацианов, Балалайкин, Иудушка, Головлева, Удав, Дыба, Отчаянный и Твердопонт. Гидра, три головы которой отсечены и валяются на земле, ползет из «Муромских лесов», символизирующих реакцию

7) «Благонамеренная повесть. (Мои любовные радости и страдания. Из записок солощего быка)» — пародия Салтыкова на «Анну Каренину» Л. Н. Толстого («Вестник Европы» 1914, кн. 5, стр. 25—34, также «Русские Ведомости» 1914, № 97, опубликована В. Кранихфельдом).

8) «У пристани» — новая глава из «Господ Головлевых». Опубликовано В. П. Кранихфельдом («Русское Богатство» 1914, кн. 4, стр. 52—64).

9) «История одного города» — варианты («Современный Мир» 1914, кн. 4, в статье В. П. Кранихфельда «М. Е. Салтыков-Щедрин»).

10) «Губернские очерки» — начало изъятых Салтыковым очерка «Скука», произвольно названное здесь издателем «Из дневника М. Е. Салтыкова» («Солнце России» 1914, № 219, «Русские Ведомости» 1914, № 97, а также в извлечениях «Киевская Мысль» 1914, № 116).

11) «Так это ваше решительное намерение...» — отрывок («Русские Ведомости» 1914, № 97).

12) «Мельхиседек», отрывок (там же). Оба (11 и 12) отрывка являются вариантами «Губернских очерков».

13) «Итоги» — глава V, запрещенная в свое время цензурой, посвященная Парижской коммуне¹ («Киевская Мысль» 1914, № 116). Статья была опубликована В. П. Кранихфельдом в крайне урезанном виде и в таком виде была еще раз перепечатана совсем недавно Ж. Эльсбергом в журнале «На литературном посту» 1931, № 8. Полностью и исправно (по рукописи и в двух вариантах) статья впервые напечатана Н. В. Яковлевым в вышеупомянутой книге «Неизвестные страницы М. Е. Салтыкова».

14) Неотправленное «Письмо к тетеньке» («Утро Юга» 1914, № 5).

15) «О русском литераторе» («Утро Юга» 1914, № 97); оба (14 и 15) названия даны В. Кранихфельдом, опубликовавшим эти фрагменты в своей статье «Литераторы и читатели» (второй отрывок, относящийся к началу 60-х гг., опубликован не полностью).

16) «В больнице для умалишенных» — варианты (изображающие бунт в больнице). Опубликовано В. П. Кранихфельдом («Утро Юга» 1914, №№ 97 и 101).

17) «Еще скрежет зубовой», очерк («Вестник Европы» 1915, кн. 9)².

18) «Богатырь» — сказка, опубликованная А. Е. Грузинским с авторизованной рукописи, писанной рукою жены сатирика («Красный архив» 1922, т. II). Сказка вошла теперь в шеститомное «Собрание сочинений» изд. 1926—1928 гг.

19) «Господа Головлевы» — вариант первой главы «Господ Головлевых» — «Семейный суд» — опубликовано Н. В. Яковлевым («Жизнь искусства» 1924, № 1, стр. 12—13).

20) «Предчувствия, гадания, помыслы и заботы современного человека» — опубликовано дважды (с купюрами в «Ниве» 1914, № 17, полностью по рукописи Н. В. Яковлевым в «Звезде» 1926, кн. 2).

21) «Господа Молчалины» — варианты, опубликованные Н. В. Яковлевым (ж. «Петроград» 1923, кн. 5 и сборн. «Язык и литература», Л., 1926).

22) «Глухов и Глуховцы». 1. «Общее обозрение» — опубликовано Н. В. Яковлевым («Красная Новь» 1926, кн. 5, стр. 112—121).

23) «Письмо к маменьке об адвокатах». Вариант «Благонамеренных речей». Опубликовано Н. Пенчковским («Литературно-художественный сборник «Красной панорамы», сентябрь, 1928).

24) «Развеселое житье» — вариант в ст. Н. Яковлева «Петрашевы в изображении Щедрина» («Звезда» 1929, кн. 8).

25) «История одного города» — вариант «Описи градоначальникам». Опубликовано Н. Пенчковским («Звезда» 1929, кн. 7).

26) «Приятное семейство» — к вопросу о «Благонамеренных речах». Опубликовано Н. В. Яковлевым («Новый Мир» 1931, кн. 7).

¹ См. об этом письмо Салтыкова к А. М. Жемчужникову от 31 августа 1871 г. («Русская Мысль» 1913, кн. 4).

² См. редакционные примечания к очерку, а также ст. В. Суходрева, «Неизданные произведения М. Е. Салтыкова-Щедрина» в газ. «Новое Время» 1910, № 12155 от 13 января.

27) «В больнице для умалишенных» — незаконченная, третья по счету, глава начатого Салтыковым под этим же названием цикла. Предназначалась повидимому для октябрьского номера «О. З.» за 1873 г. Сохранилось семь рукописных редакций этого отрывка. Одна из них (беловая) опубликована Ивановым-Разумником (сборник «Неизданный Щедрин», Л., 1932).

28) «Послание пошехонцам» — набросок, близко примыкающий к неосуществленному циклу «Дополнительных писем к тетеньке» (см. также выше, № 14). Опубликовано там же.

В этой же связи следует сказать и о тех неизвестных вариантах и разночтениях, которые использованы Ивановым-Разумником в его ценных комментариях к гизовскому шеститомному «Собранию сочинений» Салтыкова-Щедрина (М.-Л., 1926—1928) и в цитированной выше монографии, а также об исключительно острых новых страницах из «Современной идиллии» и «Писем к тетеньке», изученных по рукописи В. Гишпиусом, и в отрывках, приведенных им в печати (главные варианты «Сказки о ретивом начальнике»¹ и продолжения вырезанного в свое время цензурой третьего «Письма к тетеньке», посвященного разоблачению «Священной дружины»)².

Им же опубликован и использован ряд мелких вариантов и разночтений «Истории одного города» в комментариях к критическому изданию этого произведения («История одного города». Вступ. ст. Леонида Гроссмана, ред. Владимира Гишпиуса. ГИЗ, М.-Л., 1926).

Б. ПИСЬМА И БИОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Первое собрание писем Салтыкова-Щедрина было осуществлено Н. В. Яковлевым, издавшим в 1924/25 г. «Письма Салтыкова», извлеченные составителем из ряда частных архивов и архива Литературного фонда, хранящихся в 6. Пушкинском доме. К собранию, включающему в себя 301 письмо Салтыкова за период 1845—1889 гг. и ряд ценных документов, приложена библиографическая справка о ранее напечатанных письмах, составленная издателем совместно с Б. Л. Модзалевским (справка нуждается в дополнении).

После выхода в свет этого тома были опубликованы письма: В. Е. Евгеньевым-Максимовым (7 писем и 6 записок Салтыкова к Некрасову, «Печать и революция» 1929, кн. 3, стр. 47—62 и 9 писем к Некрасову, «Новый мир» 1929, кн. 5, стр. 178—188); А. М. Путинцевым (письма Салтыкова к беллетристу Г. П. Недетовскому, «Известия Отд. русского языка и словесности» РАН, XXXI, 1927); Д. И. Абрамовичем (5 писем и одна записка к А. С. Суворину — сборник Госуд. Публичной Библиотеки в Ленинграде, «Письма русских писателей к А. С. Суворину», Л., 1927 стр. 168—172); Л. Бухгеймом (5 писем к Л. Н. Толстому — юбилейный сборник Публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина «Письма Толстого и к Толстому», М., 1928) и др.

Наконец в июне 1932 г. в издательстве «Academia» вышла в свет вторая книга писем Салтыкова («Неизданные письма») в обработке Н. Яковлева, Е. Дубова и Е. Макаровой, составленная по тому же плану, что и первая. Чтобы дать читателю представление о характере и ценности публикуемого здесь материала, приводим в выдержках автореферат книги, написанный для «Литературного Наследства» Н. В. Яковлевым. «В отличие от первой книги вторая беднее в литературном отношении и богаче в бытовом. В отношении истории ряда произведений Салтыкова здесь важен фонд писем его к редактору «Русских Ведомостей» В. М. Соболевскому (эти письма были ранее частично использованы в статьях В. Розенберга). Литературный интерес представляют письма к различным писателям по поводу их произведений, сотрудничества в «Отечественных Записках» и других журналах, а также и литературной работы самого Салтыкова. Таковы письма к поэтам и беллетристам — П. Вейнбергу, А. Винницкой-Буджанник, В. Гаршину, И. Гончарову, Н. Некрасову (проверенные письма из села Карзиха),

¹ Сохранилось пять рукописных редакций этой сказки. Самая обширная и «цензурная» из них («Сказка о ретивом начальнике, как он своими действиями в изумление был приведен») воспроизведена в сборнике «Неизданный Щедрин» (Л., 1932).

² В. Гишпиус. М. Е. Салтыков-Щедрин и реакция 80-х гг. Сборник О-ва ист.-реч., философ. и соц. наук при Пермском университете, вып. III, Пермь, 1929 г.

А. Плещееву, Я. Полонскому, И. Салову, В. Слепцову, К. Случевскому, И. Ясинскому; критикам и публицистам — П. Анненкову, В. Гаевскому, В. Зотову, А. Краевскому, В. Лаврову, Н. Михайловскому, А. Скабичевскому, М. Стасюлевичу, В. Тимирязеву; научным и общественным деятелям — М. Ковалевскому, С. Максимова, А. Пыпину, Г. Репинскому, М. Трубниковой, Б. Утину. Здесь характерны советы начинающему автору, ищущему руководства, читать Белинского, Добролюбова, Писарева (письмо к В. Винницкой). Характерен взгляд на самого себя как на «изгоя» в литературе (письмо Гончарову), как на «человека партии» (письмо В. Гаевскому).

Но если не количественно, то качественно в книге преобладает бытовой материал. Даются замечательные сатирические характеристики родных, своих и жениных, а также и самой жены, Елизаветы Аполлоновны, урожденной Болтиной, как самой по себе, так вместе с женой Г. З. Елисеева, Екатериной Павловной (письма к А. Боровиковскому).

На первое место среди адресатов выдвигаются личные друзья Салтыкова, члены того интимного кружка, который сгруппировался вокруг него с конца 70-х гг.: А. М. Унковский, А. Н. Ераков, В. И. Лихачев, А. Л. Боровиковский и др. участники семейно-карточных вечеров. Здесь имеются также письма к В. П. Гаевскому, А. Плещееву, наконец графу М. Лорис-Меликову, с которым Салтыковы были «знакомы домами».

Члены этой «компании мушкатеров» (к которым ближайшим образом Салтыков относит Унковского, Еракова, Лихачева, Боровиковского), «всеми любимые», всюду входящие, являлись для большого Щедрина незаменимыми поставщиками всевозможных новостей, анекдотов, сплетен из области государственно-бюрократической, общественно-политической, литературно-художественно-театральной, журнально-цензурной, судебно-адвокатской, инженерно-технической, земско-городской и пр. и т. п.

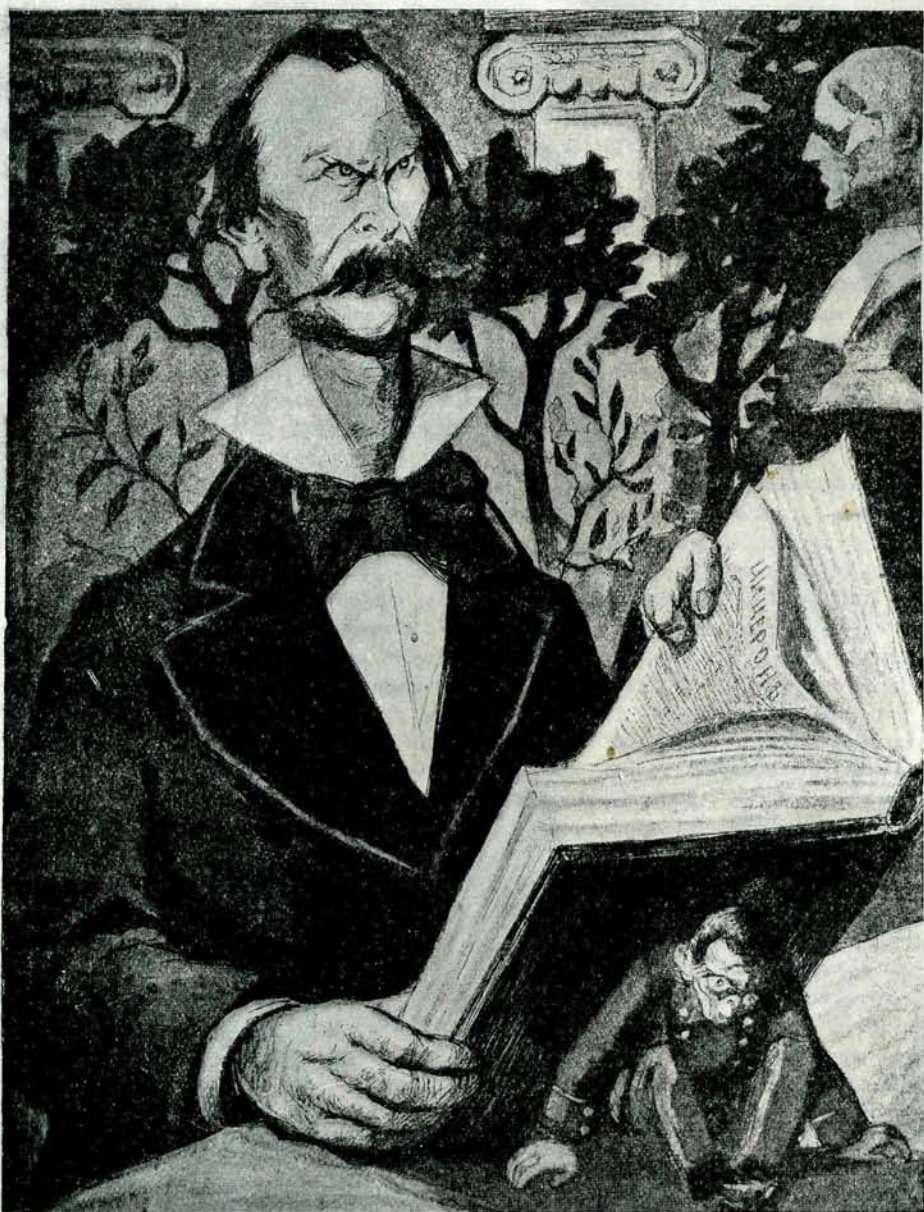
Дружеское общение несомненно укрепляло нравственные силы сатирика как раз в эти годы, когда он лишался одного за другим своих товарищей по редакции «Отечественных Записок» (болезнь Елисеева, высылка Михайловского, арест Кривенко), когда ему самому грозил обыск жандармов и стали ходить слухи о предстоящей высылке в провинцию, когда наконец журнал был закрыт и Салтыков оказался перед угрозой безработицы или необходимости «перейти» в какой-нибудь из других журналов вроде московского «нужника» — «Русской Мысли» или петербургского «окрашенного гроба» — «Вестника Европы».

Эта дружеская среда давала выход особого рода бесцензурному творчеству Салтыкова, особенно ярко выраженному у него в письмах к Боровиковскому. Здесь мы находим ряд анекдотов совершенно исключительного свойства прежде всего о самих членах нашей «компании мушкатеров», а затем и ряде других лиц вроде: Е. Утина, Герарда, Спасовича и даже К. П. Победоносцева с митрополитом Аникией. В обстановке спада революционной волны и расцвета шукурнических настроений среди интеллигенции Салтыков допускал, как известно, довольно непристойные места в своих «Пошехонских расказах», поставив к ним эпиграф: «По Сеньке и шапка». Поэтому и в письмах он культивирует этот жанр непристойных анекдотов, сравнений, метафор, с изумительным искусством избегая вместе с тем так называемого «сада» настоящей порнографии.

Второе собрание отредактировано по плану первого, т. е. кроме писем (общее количество их 313 номеров) и краткого комментария к ним даются в приложениях письма других лиц, документы, библиографические списки заграничных изданий произведений Щедрина и публикаций его писем дополнительно к данному к первой книге» (Яковлева).

В том же издательстве вышел том «Неизданных писем» русских писателей¹, в котором впервые появилось в печати 36 писем Салтыкова к драматургу А. Н. Островскому. Письма охватывают период с 1863 по 1884 г. и посвящены главным образом деловым вопросам, связанным с сотрудничеством Островского в «Отечественных Записках» (Салтыков имел обыкновение начинать первую книжку журнала за новый год комедией или драмой Островского). Тем не менее в них как и в большинстве писем Салтыкова к литераторам, разбросано множество блестящих характеристик и замечаний, имеющих большую общественную ценность и дорисовывающих

¹ «Неизданные письма». Из архива А. Н. Островского. По материалам Государственного театрального музея имени А. Бахрушина. Подготовили к печати М. Д. Прыгунов, Ю. А. Бахрушин, Н. Л. Бродский, изд. «Academia», М.-Л., 1932.

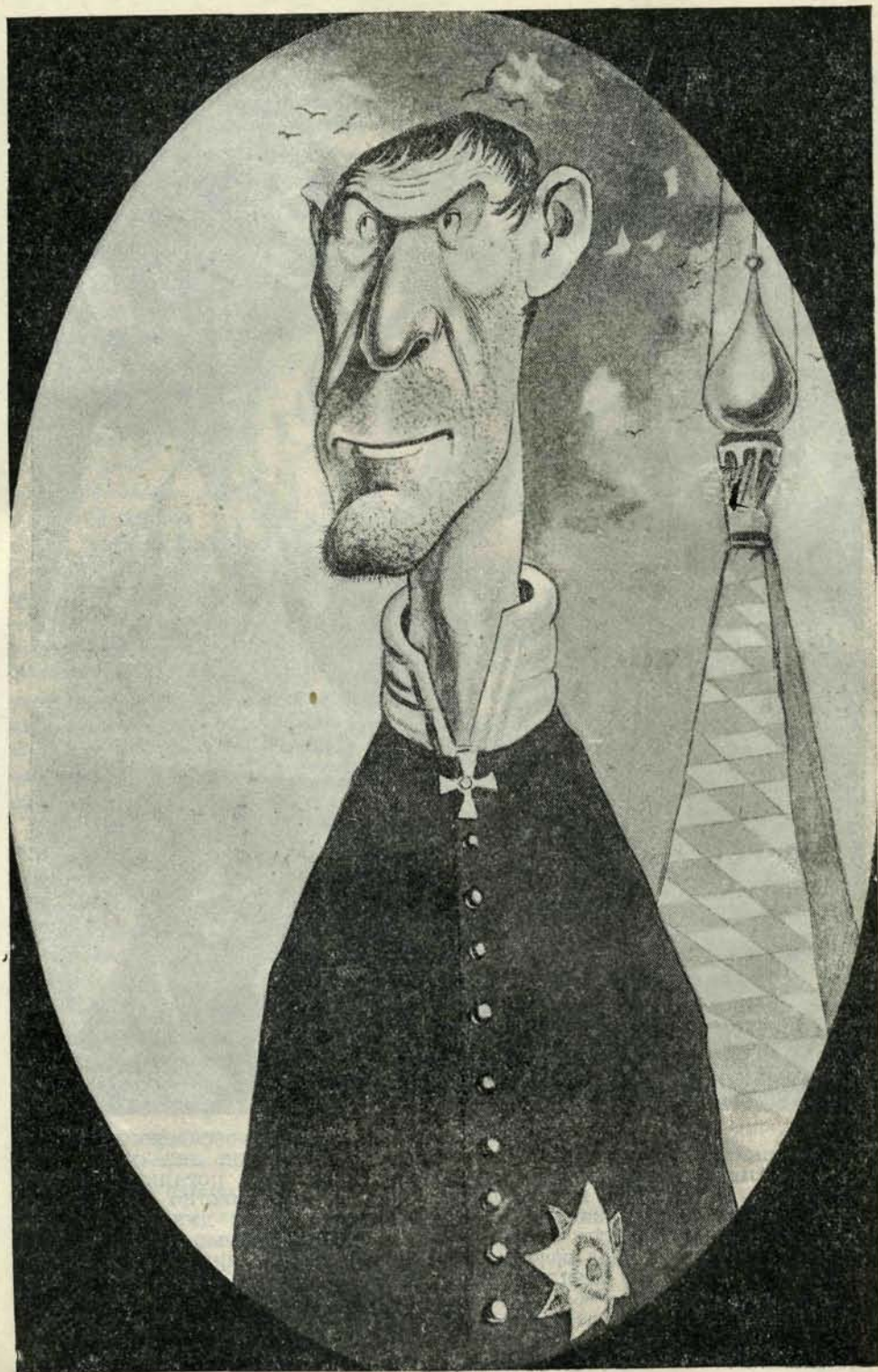

«ГР. А. Д. ТОЛСТОЙ, БЫВШИЙ АРХИСТРОЙК ГОСУДАРСТВА РОССИЙСКОГО, ДОВОЛЬСТВОВАВШИЙСЯ СКОМНЫМ ТИТУЛОМ МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ; СДЕЛАЛ ВСЕ, ЧТО МОГ, ЧТОБЫ РАСПАТАТЬ СТАРУЮ РОССИЮ, ЕЕ УСТОИ И ПОРЯДКИ, ЗАСТАВИВ ОВЩЕСТВО И УЧАЩИХСЯ ВОЗНЕНАВИДЕТЬ ШКОЛУ; ПОВСЕМЕСТНО ВВЕЛ ПШТЫК-ЮНКЕРСКУЮ ЮСТИЦИЮ ЗЕМСКИХ НАЧАЛЬНИКОВ, ПОДЧИНИЛ ДУХОВЕНСТВО ДЕЙСТВИЮ УСТАВА ДЛЯ ДИСЦИПЛИНАРНЫХ БАТАЛЬОНОВ, ЗАКРЫЛ СОРОК СОРОКОВ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ И БЫЛ ВЗЯТ НА НЕБО ДВУМЯ МИТРОПОЛИТАМИ И ЧЕТЫРЬМИ ЖАНДАРМСКИМИ ГЕНЕРАЛАМИ»

Рисунок А. Радакова из альбома: «Портретная Галерея Градоначальников в разное время в город Глунов от высшего начальства поставленных (1731—1826 по Щедрину и 1826—1907 не по Щедрину)», II, 1907 г.

Интересно задуманный альбом этот (художники: Баян, Радаков, Ре-Ми и А. Яковлев) был изуродован царской цензурой. Половина рисунков была из него вырезана, в том числе и воспроизводимый здесь (из собрания О. Л. Дор) «портрет» гр. Д. Толстого, матерого реакционера, министра внутренних дел, затем министра народного просвещения и одновременно обер-прокурора св. Синода

В сатире Щедрина Толстой нашел свое место в образе «Графа Твёрдоонто» («За рубежом») Литературное наследство.

«БАКЛАН, ИВАН МАТВЕЕВИЧ, БРИГАДИР. БЫЛ РОСТА ТРЕХ АРШИН И ТРЕХ ВЕРШКОВ И КИЧИЛСЯ ТЕМ, ЧТО ПРОИСХОДИТ ПО ПРЯМОЙ ЛИНИИ ОТ ИВАНА-ВЕЛИКОГО (ИЗВЕСТНАЯ В МОСКВЕ КОЛОКОЛЬНЯ). ПЕРЕЛОМЛЕН ПОПОЛАМ ВО ВРЕМЯ БУРИ, СВИРЕПСТВОВАВШЕЙ В 1761 ГОДУ»

Иллюстрация художника Баяна из того же издания

политический портрет Салтыкова (в письмах он высказывался разумеется откровеннее, чем в печати).

Приведем несколько таких характеристик. Жалуясь на жестокие физические страдания, делающие по временам невозможной для него всякую литературную работу, и на неистовства цензуры, Салтыков пишет: «Очевидно журнал разваливается сам собой, как разваливается само собой III Отделение, которое все делало: и слезы утирало, и шпионов содержало, но одного не совершило: безопасности не достигло» (письмо от 29 февраля 1880 (?) г.). А вот замечательно меткая и язвительная характеристика известных юбилейных речей Тургенева и Достоевского на пушкинских торжествах 1880 г. в Москве: «Пушкинский праздник произвел во мне некоторое недоумение. Повидимому, умный Тургенев и безумный Достоевский сумели похитить у Пушкина праздник в свою пользу, и медная статуя, я полагаю, с удивлением зрит, как в соседстве с ее пьедесталом возникли два суднышка, на которых сидят два человека из публики. Достоевский всех проходящих спрашивает: а видели вы, как они целовали у меня руки? И по свидетельству Тургенева (в Петербурге подагрой страдающего, но, кажется, сегодня уезжающего за границу) будто бы прибавляет: а если б они знали, что я этими руками перед тем делал».

Салтыков, неоднократно заявлявший, что он считает себя «человеком партии», требовал ясности и определенности не только во взглядах, но и в личном поведении. Всякую фальшь и манерность, где бы и как бы они ни проявлялись, он умел прекрасно выявлять и осмеивать. Вот например замечательнейшая характеристика, данная им Тургеневу, а попутно и Достоевскому: «Видел в Париже Тургенева и хотел писать статью под названием: «Кто истинно счастливый человек», но больно уж коротко выходит: Тургенев. Соблюдает все правила общежития, как то: встречаясь с незнакомой женщиной (разумеется, дамой) на лестнице, поклонится (не бойся! не... у!), встречаясь с знакомой дамой на улице, не поклонится (может быть, она к любовнику идет и не желает, чтоб ее узнали) и т. д. Слегка пописывает, слегка полужает, ездит в посольство, но не прочь поддерживать сношения и с рефюжье. Одним словом, умирать не надо. И Вы увидите, всех он переживет, и когда Винардо последние деньги из него высосет, то примет звание Наставника при будущем наследнике престола. Вот-то озылится Достоевский» (письмо от 22 октября 1880 г.).

О пресловутой «диктатуре сердца» он пишет тогда же: «Лорис-Меликов показал мудрость истинного змия библейского: представьте себе, ничего об нем не слышать, и мы начинаем даже мнить себя в безопасности»; усиление реакции вызывает следующие строки: «Я все письма получаю с упреками, зачем стал мрачно писать. Это меня радует, что начинают чувствовать. А кабы разодрало с верхнего конца до нижнего — и того было бы лучше. Настоящее бы теперь время такую трагедию написать, чтобы после первого акта у зрителей аневризм сдelaлся, а по окончании пьесы все сердца бы лопнули. Истинно вам говорю: несчастные люди мы, дожившие до этой страшной эпохи».

Приведенных примеров достаточно, чтобы показать, насколько идейно содержательно и художественно значительно эпистолярное наследие Салтыкова.

Еще очень много интересного хранит в себе собрание Института Русской Литературы Всесоюзной Академии Наук, недавно пополненное материалами, переданными из Рукописного отделения Академии. Кое-что имеется и в таких столичных хранилищах Союза, как архивные фонды Центрархива, как рукописные отделения Публичной Библиотеки и библиотеки Академии Наук в Ленинграде, Ленинская библиотека (в фонде архива Пошехонова — здесь хранится 100 писем Салтыкова к Г. З. Елисееву; лишь 30 из них, да и то в отрывках, были опубликованы), Исторический музей и Театральный музей им. Бахрушина в Москве. Из провинциальных архивов, насколько нам известно, автографы Салтыкова имеются в Нижнем-Новгороде, в Воронеже (Музей им. Никитина), Саратове (Музей им. Чернышевского и библиотека Саратовского университета), Казани (Университетская библиотека) и Одессе. Кроме того Талдомскому музею местного края (близ Твери) удалось за последние годы собрать ряд ценных документов по феодально-крепостному быту, связанных непосредственно с родом Салтыковых, владевших в этом уезде родовой усадьбой Спас-Угол. Документы относятся к началу XIX в. и представляют собой переписку владельцев с приказчиками салтыковских деревень, принадле-

жавших родителям М. Е. Салтыкова-Щедрина (эти материалы важны при изучении «Пошехонской старины»). Среди документов родового архива Салтыковых более десяти изображений генеалогического древа, большое количество писем самого Салтыкова к родным, рукописи на французском языке, в том числе переписка, и др. Кроме того заведующей музеем Е. Сосенковой собраны и записаны воспоминания крестьян-старожил о М. Е. Салтыкове.

Опубликованный материал уже дает основу для будущего полного собрания писем Салтыкова. Такое собрание, пополненное большим количеством сохранившихся, но еще неизданных писем Салтыкова к родным (детские и юношеские годы, вятская ссылка, период казенной службы), явилось бы вместе с тем и основой для отсутствующей документальной биографии сатирика, ряд подготовительных работ к которой уже имеется. Указываем наиболее существенные из них, появившиеся после революции (по алфавиту):

Анатольев, К истории закрытия журнала «Отечественные Записки» («Каторга и ссылка» 1929, кн. 8—9, стр. 169—202); Вершинский, А. Н., Салтыковская вотчина в XIX веке, Тверь, 1929 (брошюра, представляющая этюд по истории крепостного хозяйства родителей Салтыкова); Герасимов, А. Н., Щедрин и студенчество (из прошлого) «Молодая гвардия», 1926, кн. 3, стр. 204—212); Колпенский, В. М., Е. Салтыков-Щедрин и общестуденческий союз (начало 80-х годов) («Русское прошлое» 1923, кн. 6); Оксман, Ю. Г., Несостоявшийся журнал М. Е. Салтыкова-Щедрина «Русская Правда» («Красный архив» 1923, апрель, стр. 393—398); Никишин, П., Салтыков в Пензе («Правда» от 29 января 1926) и др.

Ряд новых биографических данных использован в упомянутой монографии Иванова-Разумника, где однако обширный и сам по себе ценный фактический материал дан автором в откровенно-идеалистической, народнической трактовке. Кое-что новое можно найти и в обширной мемуарной литературе последних лет. Наконец имеется составленная Е. Дубовым и находящаяся в рукописи канва биографии Салтыкова.

Следует также указать на интересные своим фактическим материалом статьи, появившиеся в заграничной и белоэмигрантской печати: Бурцев, В., К биографии М. Е. Салтыкова-Щедрина («На чужой стороне» 1925, кн. 10, стр. 121—134, Берлин; о Салтыкове и революционном движении 70—80-х гг.); Лясковский А., М. Е. Салтыков в ссылке («Историк и современник» 1922, кн. 3, стр. 249—278, Берлин); его же, Новое о Салтыкове («Беседа» 1924, кн. 5, стр. 245—264) — обе статьи, написанные на основании данных, извлеченных из Вятского губернского архива, посвящены служебной деятельности Салтыкова в Вятке, в частности его борьбе с раскольниками; З., Щедрин и Маковский («На чужой стороне» 1925, кн. 10, стр. 133—134) и др.

Приведенные выше публикации вместе с названными новыми материалами, еще не вышедшими в свет, далеко еще не исчерпывают богатое рукописное наследие Салтыкова.

Плохо обследованы и изучены местные архивы тех городов, где протекала служебная деятельность писателя: Вятки, Твери, Рязани, Пензы и Тулы. Нахождение здесь не только деловых бумаг, но и художественных произведений вполне вероятно. Автографы Салтыкова имеются и в некоторых частных собраниях.

Наш далеко не полный очерк тем не менее может дать представление читателю об опромности и ценности литературного наследства Салтыкова. Долгом советской литературной науки перед памятью большого революционного писателя является скорейшее включение этого наследия в наш литературно-общественный оборот.

Для этого нам необходимо прежде всего действительно полное и научное собрание сочинений Щедрина, чтобы на основе его широко развернуть марксистско-ленинское изучение и пропаганду творчества великого сатирика. Такое издание (наряду с изданием сокращенного «собрания избранных произведений» в 8 томах) ныне осуществляется под общей редакцией М. С. Ольминского; оно будет состоять из 20 томов и включит в себя все художественные и публицистические произведения Щедрина, а также и его письма. Редактирование отдельных томов поручено авторитетным литераторам — марксистам-коммунистам. В целях помощи изданию и создания научного марксистско-ленинского центра по изучению Щедрина создается по инициативе М. С. Ольминского при Обществе старых большевиков «Общество по изучению Щедрина».

С. Макашин